

ТОВАРИЩ ВАЛЕНТИН

«Тамбов безмятежно спал среди всеобщего волнения, пронесшегося вихрем по всей Руси великой...» Это о революции 1905 года. Безвестный автор большевистской листовки был не прав. Факты говорят о другом.

..В Дворянском собрании во время концерта Долиной с хоров три раза бросали в публику прокламации. Рабочие механического завода Петера и Махова объявили стачку в знак протеста против расправы с петербургскими рабочими. Забастовали технические служащие губернской земской больницы. Прекратили занятия ученики Екатерининского института и предъявили начальству петицию с требованиями улучшить условия обучения. Несколько позже вспыхнуло восстание солдат 7-го запасного кавалерийского полка. В промозглых стенах духовной семинарии, впитавших в себя елей и ладан православия, вспыхнул настоящий бунт. Одицавшие от бессмысленной, изматывающей зубрежки, от грязи, недоедания, карцеров, семинаристы крушили свой «вертеп Магдалины» с какой-то особой яростью и ожесточением. Это был протест против удушающей, мертвящей атмосферы бурсы. И хотя семинарии громили испокон веков (последний раз — три года назад), этот отличался особым размахом и безоглядностью. Семинаристы пытались поджечь здание, уничтожали журналы, семинарские кондуиты. Преподаватели без шапок, растерзанные и избитые, выпрыгивали из окон. «Казалось, — напишет потом один из участников бунта, — в ночи бьется огромная чудовищная, зловещая птица: махнет крылами — вылетают рамы, двери; вот она долбит клювом, вот кричит, шипит, словно бросается на врага и просится и рвется наружу, на простор»¹.

¹ Воронский А. За живой и мертвой водой. М., 1970, с. 28—29.

Только вмешательство полуроты солдат помогло восстановить порядок в богоугодном заведении. Оказывается, ректор и архиерей, предвидя взрыв, обратились заранее к губернатору с просьбой выделить усмирителей, которые предусмотрительно были спрятаны неподалеку от семинарии, в Покровских банях.

Скандал вышел за пределы губернии, но архиерей решил дело в суд не передавать — боялся огласки. И без того внимание общества было приковано к невыносимому положению бурсаков — «мрачных и славных людей». Дело замяли. Восемьдесят семинаристов отчислили, около двухсот оставили на второй год. Среди исключенных оказался сын священника из села Хорошавки Кирсановского уезда Александр Константинович Воронский.

Удивительная ему была уготована судьба. Недоучившийся семинарист, «привычный обитатель российских тюрем», как он о себе потом скажет, потомственный и почетный гражданин Хорошавки, в юные годы вышедший «на дорогу чести и правды», Воронский станет соратником Ленина по партии, одним из образованнейших людей своего времени, блестящим критиком, крупным общественным деятелем. Даже для тех пламенных лет революции его биография кажется необыкновенной и романтической. О том, как он пришел в революцию, Александр Константинович рассказал потом в своей увлекательной, талантливой книге «За живой и мертвой водой», прочитав которую Максим Горький написал автору: «Сейчас кончил читать Вашу книгу, Александр Константинович, очень понравилась. Мне даже кажется, что я впервые услышал голос настоящего революционера, который сумел рассказать о себе, как о настоящем живом человеке, а не как об инструменте или орудии истории»...»²

...Он родился на берегах красавицы Вороны, которую иначе и не называют, как рекой золотых зорь. На всю жизнь останется она в его памяти: полноводная, чистая, как слеза, кишмя кишевшая на мелководе рыбной мелочью. «А вот альчики-камушки на влажном желтом песке и как я ищу их и радуюсь им — запомнились. Помню дуб в лесу за рекой Вороной, уродливый и могучий, — и я прижимаюсь щекой к его окаменевшей коре и притворяюсь, будто хочу на него взобраться. Помню

² Архив Горького. Т. 10, кн. 2. М., 1965, с. 49—50.

солнечные косяки в пятнах, в струйках: рядом дрожат и прыгают зайчики»³. Побережье Вороны издавна привлекало поселенцев и волшебной красотой мест, и тем, что река-кормилица не давала умереть с голоду. Названия селам и деревням давали звучные, поэтические «значащие»: Красивка, Криволучье, Чернавка, Хоршавка, Лебяжье, Жемчужное...

Спокойно и величаво течет Ворона среди зеленых лесистых берегов по своему песчаному ложу. Очаровательны ее тихие заводи, песчаные косы, стремительные быстрины, темные омуты. Тот, кто ее однажды увидел, искупался в ее животворных струях, уже не забудет реку никогда. Она не отпустит от себя, постоянно будет помниться свежесть и отрада, которую она дарит в летний полдень. Река эта и дала фамилию предкам революционера, семейной профессией которых стало служение церкви. И приход его отца Константина Осиповича также был разбросан по берегам Вороны. Приход был бедный, и когда отец безнадежно заболел и начал угасать буквально на глазах, прихожане ничем не могли помочь своему духовному пастырю. Так он и умер на руках жены, оставив двух малолетних детей — Лялю и

Сашу. Мать Феодосия Гавриловна перебралась с детьми в село Добринку (ныне Липецкой области), где жил ее отец, тоже священник, братья и сестры. Поселились недалеко от деда, в невзрачном, с большой русской печью домишке, похожем на простую избу. Чтобы содержать семью, мать устроилась в церковь просвирней, она была на редкость трудолюбива и хозяйственна. Могла, к примеру, даже тачать сапоги, чем всегда гордилась. Феодосия Гавриловна не очень хотела, чтобы маленький Саша наследовал профессию отца, стал священником. В мечтах она видела его доктором или юристом.

Мальчик рос бойким, шустрым, любознательным, отличался большой впечатлительностью и фантазией. Но средств на учебу не было, и когда Саша подрос, мать определила его в I-е Тамбовское духовное училище. Как сын умершего священника Александр Воронский имел право на бесплатное обучение в духовных учебных заведениях. После окончания его в 1900 году он поступает в Тамбовскую духовную семинарию.

Чтобы быть ближе к сыну, Феодосия Гавриловна

³ Воронский А. Бурса. М., 1966, с. 13.

Родители А. К. Воронского Константин Осипович и Феодосия Гавриловна.

вместе с безнадежно больной дочерью Лялей переезжает в Тамбов, устраивается учителем по труду в епархиальное училище. Но с учением у сына дела явно не ладились, Александр не рвался в священнослужители. В Тамбовском областном государственном архиве хранятся дела духовной семинарии. В ведомостях успехов воспитанников сохранились и оценки успеваемости будущего революционера и писателя. Редко по какому предмету они поднимались выше трех баллов. Лишь по истории и литературе мальчик имел устойчивую хорошую

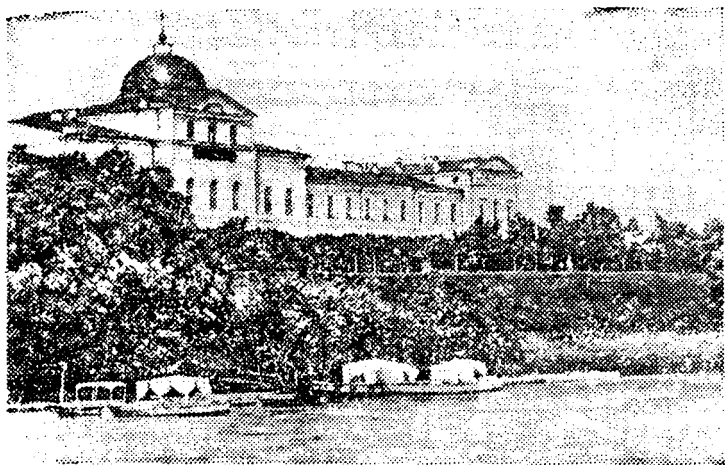
оценку. В чем же дело? В неразвитости, неспособности, ограниченности юноши? Вовсе нет. Как показала дальнейшая жизнь, А. К. Воронский отличался колоссальной работоспособностью, завидной энергией и природным умом, прекрасной памятью, большими художественными способностями. Это подтверждают и воспоминания двоюродной сестры революционера О. С. Добротворцевой: «Был всеми уважаем за доброту, бескорыстие. Во время каникул жил у нас. Рос очень любознательным. Все время помню его читающим или изучающим иностранные языки. Очень помню, в учебе помогал и мне. Однажды помог мне написать сочинение на тему: «Будь ласков, но не будь приятель общий, и тогда, как дважды два четыре, ни перед кем не будешь ты фальшивить». Скажу, что работа получилась умная. Я бы сказала, что даже не по возрасту. Мне сейчас под девяносто, но я по сей день помню житейскую науку, почерпнутую из того сочинения... Его у нас в селе так и звали или «ученым» или «писателем». Так что для нас не было удивлением, когда узнали, что Саня стал писать книги»⁴.

Виновата была во всем удушающая, мертвящая атмосфера семинарской жизни, о чем Воронский потом так ярко рассказал в своей повести «Бурса». Главные предметы преподавания — катехизис, священное писание, церковный устав и прочее «суемудрие» и «суесловие» — одолеть можно было лишь упорной зубрежкой. Мертвая долбня, оболванивание бурсаков, лишение их разума и воли — вот что такое была семинария. «До того постыло — даже тошнит», — напишет он спустя несколько лет в своей биографической книге.

Как же он выжил, не опустил, сохранил себя для дальнейшей жизни? Помогли книги. Сначала читал то, что читают все подростки в этом возрасте: Фенимора Купера, Майн Рида, Жюль Верна, Луи Буссенара, Александра Дюма. Читал тайком, выбирая самые укромные места, ибо подобное увлечение преследовалось училищным начальством.

В семинарии появилась подпольная библиотека, которой пользоваться можно было с большим риском. Начальство дальновидно полагало, что во многой мудрости — много печали и что «ересь жидовствующих», вольнодумство и вольтерьянство надо душить в зароды-

⁴ Ефремов Э. Основоположник большевистской критики. Подъем, 1984, № 10, с. 131.

Тамбовская духовная семинария, в которой учился А. К. Воронский

ше. Библиотека, собранная бурсаками по крохам, была неуловима, ибо почти вся ходила по рукам. За чтение сочинений Пушкина, Гоголя, Лермонтова, а особенно Добролюбова и Чернышевского, шестидесятников Помяловского, Решетникова, Успенского, Левитова можно было заработать тройку по поведению, а то и вовсе вылететь из семинарии. «Кружок испытанных и неисправимых подпольщиков» жил своей напряженной и потаенной жизнью. Книги не только читались взахлеб, но и страстно обсуждались в укромных местах. А спорили об общине, земельных отрезках, о героях и толпе, анархизме, терроре, а в последнее время — и о марксизме. Ибо даже сюда, в семинарию, цитадель православия, проникала ленинская «Искра» и те идеи, которые она несла. Вскоре кружок занял свой гектограф, который хранился в квартире одинокого консисторского чиновника. И вот время от времени семинаристы стали находить в своих партах листовки, фиолетовые буквы которых расползались кляксами. Они рассказывали о брожении в России, будоражили мысль...

Собирались на квартире на Первой Долевой в доме вдовы чиновника. На собрания приходили гимназистки, фельдшерицы. Отличавшийся повышенной впечатлительностью, Александр Воронский на таких собраниях терялся, краснел, хотя уже в то время более других, пожа-

луй, был умудрен в подпольных действиях и конспирации. А причина неожиданной застенчивости — гимназистка, красивая девушка с каштановыми косами.

С ней связаны его первая влюбленность, бессонница, тоска... Его первая любовь осталась в душе и памяти символом прекрасного, но недоступного человеческого счастья, «гением чистой красоты», потому что, желая посвятить свою жизнь революции, Воронский пришел к убеждению, что ему нельзя иметь не только жену, ребенка, но даже длительной привязанности. Ей, Лиде, девушке из своей юности, он много лет спустя в книге «За живой и мертвой водой» посвятил немало чистых поэтических строк.

Пройдя царские тюрьмы и ссылки, он напишет в своем заявлении в Общество старых большевиков: «Вошел в партию в 1904 г. в г. Тамбове. Может подтвердить т. Гуров из Наркомзема...»⁵ Именно так: он вошел в партию, вошел естественно, выстрадав марксизм как свое убеждение. Автору этих строк посчастливилось несколько лет назад встретиться с Петром Яковлевичем Гуровым, на которого ссылается А. К. Воронский. Гуров в 1903 году был выслан в Тамбов борисоглебской полицией за участие в проводах в сибирскую ссылку железнодорожных рабочих. В конце 1904 года поднадзорность с него была снята, дело его прекращено, и он переехал в Москву, окончил земледельческую школу, в которой, кстати, и началась его революционная деятельность.

«Когда я приехал в Тамбов, здесь еще не было социал-демократической организации. Я установил связь с рабочими вагоноремонтных мастерских и организовал кружок из пяти человек. В него входили слесарь Георгий Никифоров (впоследствии писатель, погибший в 1937 году), слесарь Владимир Иванов, его сестра портниха Мария Ивановна, столяр Борис Панков, умерший от туберкулеза в тамбовской тюрьме в 1905 году, и я в качестве руководителя кружка. Мы собирались регулярно раз в неделю по воскресеньям. Ранним утром отправлялись на лодке по реке Цне в лес Тригуляева монастыря, находившегося в десяти километрах от Тамбова. Здесь мы проводили весь день. Первую беседу я посвятил рассказу о Владимире Ильиче Ленине и о решениях II съезда РСДРП.

⁵ Центральный партийный архив при Институте марксизма-ленинизма, ф. 124, оп. 2, ед. хр. 124, л. 11—12.

А потом мы приступили к практическим делам: распространяли среди рабочих вагоноремонтных мастерских легальные брошюры и нелегальную большевистскую литературу. На собраниях, устраиваемых эсерами, я, Никифоров и Панков выступали с критикой программы эсеров, доказывая, что деревня расслоена, что нет единого крестьянства, что программа эсеров мелкобуржуазна.

У себя в кружке мы изучали «Манифест Коммунистической партии», работу В. И. Ленина «Что делать?». Из «Искры» перепечатывали на гектографе некоторые статьи и распространяли их среди рабочих. Особенно успешно распространял нелегальную литературу Георгий Никифоров. Число сочувствующих социал-демократии заметно росло. Мои попытки найти сочувствующих социал-демократии среди немногочисленной тамбовской интеллигенции были безрезультатны. Немного помогала нам материально Феоктиста Яковлевна Мягкова, жена адвоката. В губернском земстве работал статистик А. И. Скворцов, считавшийся марксистом. Когда я с ним познакомился поближе, то увидел, что он стоял на позициях «легального» марксизма и резко критиковал труд Ленина «Развитие капитализма в России».

Помню, что в начале 1904 года в Тамбове короткое время проживал Дронин, член РСДРП с 1903 года. Не найдя в городе работы, он переехал в Саратов, где продолжал вести революционную деятельность. Тогда же начали мы привлекать к выполнению различных партийных поручений семинариста Сашу Воронского, впоследствии видного деятеля партии и государства, литературного критика и писателя...»⁶, — рассказал мне ветеран.

Под руководством убежденного большевика Петра Яковлевича Гурова и проходил Воронский азбуку революционной борьбы, начальные классы политграмоты. Ему поручили заниматься с молодыми рабочими железнодорожных мастерских. С трепетом душевным, восторгом и страхом приступил к делу молодой семинарист. Он сам был не старше их, хотя, естественно, намного начитаннее и образованнее. По совету П. Я. Гурова, который проинструктировал его перед ответственным первым занятием, просмотрел его заметки для беседы, на лодках по Цне отправились все к тому же Тригуляеву

⁶ Личный архив автора. Запись беседы с П. Я. Гуровым.

монастырю. Когда прибыли на место и молодой революционер пространно и с жаром стал говорить о необходимости классовой борьбы («класс против класса и в этом вся сущность»), рабочие слушали внимательно. Но беседы, как ожидал молодой пропагандист, не вышло. Когда он предложил задавать вопросы, волнуясь, как перед ответственным экзаменом, то его тезка Метелин сказал добродушно:

— Какие же тут могут быть вопросы? Товарищ лектор объяснил нам все до последней точки. Все ясно...

Таким образом собирались до поздней осени. О многом было переговорено. И трудно сказать, кто больше вынес из этих встреч, кого они больше обогатили. По крайней мере, для молодого пропагандиста встречи стали отличной школой, ибо, готовясь каждый раз к очередному занятию, ему приходилось много читать, конспектировать, докапываться во всем до сути, чтобы при объяснении не только пересказывать чью-то мысль, но и вырабатывать свою позицию, свое отношение к той или иной проблеме. Незаменимым консультантом и наставником был П. Я. Гуров. Его эрудиции Воронский втайне завидовал, старался походить на своего учителя, основательно изучал марксистскую литературу. Беседы с молодыми рабочими из железнодорожных мастерских («аховыми ребятами», по словам Саши Метелина) были ценны еще и тем, что развивали ораторские навыки, умение убеждать аудиторию. Это очень ему пригодилось в дальнейшей работе «летучего агитатора» партии и за Нарвской заставой в Петербурге, и в Москве, во время вооруженного восстания. Находясь в гуще забастовщиков, он вмешивался в споры, осведомлял рабочих о том, что делается на других предприятиях, призывал, вместе с другими агитаторами, «держаться до конца». За ним охотились наемные громылы, гонялись охранники, его секли нагайками конные казаки... В те дни он не раз вспоминал свои университеты по политграмоте за рекой Цной, свой первый кружок рабочих.

Об этом кружке часто напоминал потом Саша Метелин, судьба которого сложилась запутанно, причудливо и, можно сказать, сумбурно. Совсем не так, как хотел бы его первый наставник по партии. Метелин был от природы человеком добрым, одаренным. Но в то же время и легкомысленным. Со многими он дружил, многим помогал, со многими приятельствовал. Как сказали

бы сейчас, был весьма коммуникабельным. Так он сошелся с боевой организацией социал-революционеров, с которыми группа демократов вела неутихающую полемику. И на некоторое время пропал из поля зрения Валентина (такую партийную кличку взял себе Воронский). У Метелина были золотые рабочие руки. Он мог сделать все: от миниатюрного револьвера до самодельной бомбы. И для террористов стал на время незаменимым человеком: нарезал для них пули, обучал стрельбе. На вопрос Валентина, почему он отошел от социал-демократов, Сашка, обаятельно улыбаясь, ответил просто: «душно»:

— И не думаю, с чего ты взял? Рабочему человеку некуда податься от есдеков (он именно так и выговаривал: «есдеков»). А с есерами спутался — это верно. Шут его знает, почему оно вышло. Я и сам хорошенько объяснить себе не могу. Попросили, вижу, ребята собираются жандармов к чертовой бабушке отправить. Как тут не помочь им, одно слово, техника, а в этом деле я дока... Люблю. Ну и завяз⁷.

Он отошел на некоторое время от боевиков, активно участвовал в работе социал-демократической группы: помогал оборудовать типографию, исправно посещал массовки, приводил новых рабочих. Потом вновь пропал. Опять оказался у террористов, готовил взрывные устройства. Одно из них по неосторожности дочери рабочего, в квартире которой Метелин оборудовал свою лабораторию, взорвалось. Погибла семилетняя девочка. Потрясенный трагической гибелью ребенка, тамбовский боевик уехал в Саратов, вступил в боевую дружину рабочих, которая расправлялась с жандармами, приставами, произвела несколько экспроприаций. Метелина судили, ему грозила виселица, но все окончилось ссылкой в город Яренск Вологодской губернии, где тамбовцы встретились вновь. Они уже не были теми неопытными юношами, делавшими в революции свои первые шаги. И хотя Валентин всегда резко отрицательно относился к анархизму и террору, считая, что они противоречат марксизму, он был несказанно обрадован встрече с земляком, бесшабашным, все таким же молодым и крепким, все умеющим Сашкой Метелиным. Метелин напомнил ему о тех давних беседах за рекой Цной у Тригуляева монастыря, когда он втолковывал им, мо-

⁷ Воронский А. Рассказы и повести. М., 1933, с. 238—239.

лодым рабочим, что «пропаганда фактом», «прямым действием» (к чему призывали анархисты) вызывает лишь ответный террор правительства, используется реакцией для принятия жесточайших мер против рабочих партий и деятелей революции. Примеров тому несть числа. Взять хотя бы первомагтовцев, судьбы Андрея Желябова, Софьи Перовской. Неверен, провокационен и тезис анархистов, которые считают, что путем взрывов и убийств подтолкнуть инертные массы к восстанию, пробудят их от спячки. Только революционные марксисты, изучившие опыт своих предшественников, придали революционной борьбе новый размах. Они разрешили мучившие народовольцев дилеммы. Ленин выдвинул идею строго централизованной организации профессиональных революционеров. Им и его единомышленниками диалектически решен был вопрос о стихии и сознании, о «герое» и «толпе» в рабочем движении, в революционной борьбе.

Сашка, как и в прошлые годы, восторженно и преданно смотрел на Валентина, усердно слушал все, о чем тот ему говорил, охотно с ним во всем соглашался, обещая впредь придерживаться только «есдековской линии». Но Валентин видел, что борозда на его щеке, похожая на молнию, проступала так же упрямо и резко, как и в прошлые годы. Только, пожалуй, она стала еще глубже, еще упрямей. Сашку уже не исправишь. Его спасительное и прекрасное легкомыслие неистребимо, оно стало сутью натуры, как и присказка его — «роскошная жизнь», которую Валентин помнил еще с Тамбова.

— Роскошная жизнь, — подвел Метелин итог разговора, — пойдем завтра с нами в лес на охоту. Такие места, понимаешь, приметил, без добычи не вернемся. А там, в лесу, и продолжим разговор о терроре, — и раскатисто, со вкусом рассмеялся...

Встретился Валентин с Метелиным еще раз на Западном фронте, когда свершилась Февральская революция. Тамбовец был в своем амплуа — весел, энергичен. Заря новой жизни светила им тогда обоим. Они оба немало поработали на революцию, ее рядовые бойцы.

В 1987 году я получил письмо от дочери А. К. Воронского, Галины Александровны, проживающей в Москве и много сделавшей для восстановления доброго имени отца как в истории, так и в литературе. Она, в частности, писала: «Посылаю Вам рассказ «Первое произ-

ведение». Это о Тамбове. Книга, в которой он опубликован (А. Воронский. «Рассказы и повести», М., 1932 г.), находится в библиотеке им. В. И. Ленина, «на спецхранении». Может быть, сумеете узнать, кто такой «Степан». Это, очевидно, кличка. Могут знать в музее. Г. А.»⁸.

В музее о Степане ничего не знали. Ничего утешительного не могли сообщить и в областном государственном архиве. А между тем это была интересная личность, оставившая заметный след в истории губернской партийной организации, в судьбе молодого подпольщика Воронского.

Вот как рассказывает А. К. Воронский о Степане и о партийном поручении.

«Степан мне сказал:

— Комитет поручает нам написать первомайское воззвание.

Недавно были аресты. Я знал, что весь комитет состоит из одного Степана, но в этот момент я верил в могущественный и таинственный орган. Он облакал меня доверием. Не заметил я и того, что мой старший товарищ — человек щуплый, бледный, с реденькими усами и еще более редкой бородой, что напрасно он приглаживает волосы — они и без того лежат скромными, бедными прядями, напоминая измызганную швабру, — и что кремовую рубаху давно пора отдать в стирку, а у ворота пришить пуговицы. Наоборот, если Степан показался мне не громовержцем, держащим в руках молнии и низводящим гром на землю, то все же человеком властительным, своего рода сверхчеловеком. Я возгордился и почувствовал тягчайшую ответственность.

— Можно, — ответил я наружно равнодушно и отчасти величественно, как будто я только и делал всю жизнь, что писал грозные и обличительные воззвания.

Степан взял со стола студенческую фуражку с околышем, настолько выцветшим, что он стал почти белого цвета.

— До первого мая осталась неделя. Поторопитесь. Завтра занесите. Вот адрес.

Я возвращался домой в семинарскую коммуну, пренебрегая свежим и поющим в небе апрелем, неомраченным глянцем первой распустившейся зелени, гимназистками, в те дни почему-то, как на подбор, прекрасны-

⁸ Личный архив автора.

ми. Я готовился писать свое первое произведение. Раньше мне пришлось быть автором двух-трех листовок, но размножались они на гектографе, всего пятьдесят-шестьдесят экземпляров, они говорили о наших школьных нуждах. Теперь листок будет отпечатан на типографском станке, настоящим шрифтом, несколько тысяч будет отпечатано, читать его будут повсюду: на фабриках, на заводах, в деревне. Предстояло большое политическое дело. Думается мне и до сих пор, редко какой писатель, приступая к лучшему своему труду, испытывал волнение, жар, торжественность, сомнения, страх, радость, какие испепеляли меня в этот единственный день, когда мне едва минуло девятнадцать лет и комитет дал мне почетное литературное поручение. Не скрою, я не лишен был суетных и честолюбивых мыслей и даже карьеризма. Если мне доверили написать первомайский листок, весьма вероятно, скоро меня введут и в комитет, и тогда я буду заправским профессиональным революционером. С завистью, с преклонением смотрел я на Савича, на Варвару, на Гальперина, на Степана, а приехавший представитель Центрального Комитета, товарищ Сергей, являлся для меня существом четвертого измерения. Теперь и я, месяц тому назад выгнанный из семинарии, близок к отважной и избранной группе людей. Только бы написать, справиться с поручением!»⁹.

Кто же такой Степан, приобщавший наряду с П. Я. Гуровым девятнадцатилетнего Воронского к партийной работе? Несмотря на некоторую ироничность стиля автора рассказа, который как бы пытается этим скрыть свое смущение и снизить романтизм юного подпольщика, из повествования видно, что это личность незаурядная, сильная, опытный конспиратор, истинный революционер-подпольщик. Существовал ли Степан в жизни или он плод фантазии автора? Как правило, все произведения А. К. Воронского автобиографичны, за каждым персонажем стоит конкретное лицо, его прототип. Это обнадеживало в поисках.

В первом издании «Очерков истории Тамбовской организации КПСС» нахожу тоненькую ниточку в виде следующей лаконичной информации: «В марте 1906 г. на нее (Козловскую группу РСДРП. — И. О.) обрушился новый удар — была раскрыта подпольная типография,

⁹ Воронский А. К. Избранное. М., 1976, с. 591—592.

изъят шрифт, архив и печати комитета. Восстановлению боевого духа организации содействовал большевик, П. Кузьмин (Степан), присланный Восточным бюро РСДРП из Самары в Тамбов для укрепления местной организации. Тамбовские товарищи сочли необходимым использовать организаторские способности и ораторский талант П. Кузьмина в Козлове. Это усилило большевистское течение в козловской группе»¹⁰.

Только с помощью работников Куйбышевского областного партийного архива удалось установить, что П. П. Кузьмин родился в семье богатого самарского купца. Учился в самарском реальном училище, очень рано связал свою жизнь с партией большевиков. В 1903 году восемнадцатилетний юноша вошел в состав самарской социал-демократической организации, во главе которой стоял Г. М. Кржижановский. Он был активным участником транспортно-технической группы Восточного бюро ЦК РСДРП, распространял нелегальную литературу в городах Поволжья, Урала и Сибири, арестовывался за участие в политической демонстрации. А когда в 1905 году был создан Самарский Совет рабочих депутатов, который возглавил наш земляк моршанец Н. Е. Вилонов, о здоровье которого так трогательно заботился Ленин, называя товарища Михаила (партийная кличка) художником революции, одним из заместителей у него был П. П. Кузьмин. Самарский Совет просуществовал всего около двадцати дней. После разгрома восстания Петр Петрович переходит на нелегальное положение, уезжает на Урал, оттуда перебирается в Москву. А из Москвы он уже был командирован в Тамбов, где его кооптировали в местный комитет РСДРП. По косвенным данным, здесь он женился на большевичке Анне Николаевне, партийная кличка которой была «Ольга».

Старый член партии А. Ежов, который некоторое время учительствовал, затем работал телеграфистом на станции Торбеево, вспоминал в 1923 году: «Нас в Тамбове осталось мало (после разгрома декабрьской забастовки 1905 г.), лидеров выслали, выслали стачечный комитет. Но все-таки мы опять по выходе из тюрьмы кое-как спаялись... К нам из Москвы прибыл агитатор под кличкой Степан. Степан поднял настрое-

¹⁰ Очерки истории Тамбовской организации КПСС. Воронеж, 1970, с. 32—33.

ние рабочих. Великолепный был оратор, агитатор товарищ Степан. Связались опять с казармами, мне поручили организовать солдатскую газету. Мы с товарищем Иваном Агатовым нашли на Второй Долевой конспиративную квартиру и начали издавать газету. Через месяц нам удалось поднять кавалеристов. Тут громадную роль сыграл товарищ Степан. Кавалеристы на общем собрании, предъявив ряд требований, постановили никого из вольных не допускать, но Степан, как любимец, в качестве солдата проходил на собрания и будировал солдатскую массу»¹¹. Кстати, упоминает мемуарист и фамилию Воронского: «Забастовали гимназия, фельдшерская школа, семинария. И здесь наше влияние чувствовалось. Средние учебные заведения нам дали ряд активных работников, имена которых не помню. Помню А. Воронского (теперь редактора «Красной нови» в Москве), Вадима Подбельского, бывшего народного комиссара почт и телеграфа, теперь уже покойного, Денисова Митьку, семинариста и много других»¹².

Ну, а какова же дальнейшая судьба Кузьмина? Из Козлова он направляется в Таммерфорс на первую конференцию военных и боевых организаций партии. В качестве делегата присутствовал на V (Лондонском) съезде РСДРП, где впервые увидел и услышал В. И. Ленина. В Россию возвратился с паспортом на имя Тимофея Степановича Клевцова и сразу же окупнулся в водоворот политической жизни. Тюрьма. Ссылка, дерзкий побег. Снова арест, Сибирь, каторга... Из царских застенков его освободила Февральская революция. Он возвращается в родную Самару. После победы Великой Октябрьской социалистической революции Петр Петрович выполняет важные поручения Самарского ревкома, редактирует большевистскую газету «Солдат, рабочий, крестьянин».

Когда белочехи в июле 1918 года захватили Самару, они арестовали Кузьмина. Только случайность спасла ему жизнь.

В марте 1919 года самарские большевики оказали Петру Петровичу большое доверие, делегировав его на VIII съезд РКП(б). А. К. Воронский, в то время редактор губернской иваново-вознесенской газеты «Рабочий край», был также делегатом съезда. Можно с большой

¹¹ Е ж о в А. В. Подполье. — «Коммунист» (Тамбов), 1923, № 11.

¹² Там же.

долей достоверности предположить, что они встретились тогда и, конечно, вспомнили Тамбов. И если их встреча состоялась, Александр Константинович Воронский не мог не вспомнить, как под руководством старшего товарища он писал свое «первое произведение» — первомайскую листовку.

«Товарищи и граждане!» — так начал автор это «первое произведение», с которого, скажем ныне смело, открывался талант партийного публициста. Перо Воронского отлично послужило партии, революции. Впоследствии у него будут искрометные памфлеты, глубокие аналитические статьи, весьма ядовитые фельетоны, он станет автором многих книг, но первомайскую листовку свою запомнит на всю жизнь.

Молодой революционер писал тогда, что русская империя — это один гигантский участок (имелось в виду полицейский. — И. О.) в руках лихих людей, творящих злое дело, что в этом участке темно, промозгло, а камеры сторожат свирепые сторожа. Слышен лишь звон цепей и ключей. Скрежешут засовы. Но уже брезжит рассвет, встает солнце социальной независимости и равенства. Солнце труда и свободы. Участок окружают несметные рабочие толпы. Они идут с запада и с востока, с юга и севера. Узилище берется штурмом. Вот уже ломаются решетки, раскрываются ворота. Час победы близится...

Листовку одобрил тогда сам Степан.

— Добре, — сказал он. — С поэзией, но это, пожалуй, к первому мая ничего, сойдет.

Воззвание партийного комитета имело большой резонанс. За его распространение бросали в полицейские участки, избивали. Оно всколыхнуло рабочих; было проведено несколько первомайских массовок, на которых раздавались с еще не высохшей типографской краской листовки. Для царских опричников они были страшнее бомбы...

Пройдет совсем немного времени, и тамбовский семинарист, начинавший свой путь в революции с громокипящих прокламаций, станет ведущим организатором литературной жизни страны, одним из образованнейших, по словам А. В. Луначарского, представителей научно-художественного коммунистического мира.

Степан немного не дожил до этих лет. В августе 1919 года его не стало. Царские тюрьмы, ссылка, каторга сделали свое дело.

Газета «Коммуна» писала: «Умер старый партийный работник, честный и мужественный революционер, талантливый журналист и любимьгй, уважаемый всеми товарищ и человек.

Он умер, словно горьковский сокол... Над страной в это время разгоралась заря новой жизни. Он много сделал, очень много для того, чтобы приблизить эти дни»¹³.

В 1984 году в Москве, в Институте мировой литературы имени А. М. Горького Академии наук СССР состоялась научная конференция, посвященная 100-летию А. К. Воронского. Видный советский критик, проректор Литературного института имени А. М. Горького Евгений Сидоров сказал на ней о Воронском:

— Полемистом он был блистательным!

Это так. И зарождался дар полемиста и страстного партийного публициста на тамбовской земле, в годы революционной молодости.

К сожалению, не много сохранилось документов о первых социал-демократических группах на Тамбовщине. На партийных собраниях далеко не всегда велись протоколы и принимались письменные резолюции. Тем дороже нам свидетельства очевидцев и участников событий, оставивших свои воспоминания.

Я уже упоминал о Дронине, приехавшем в Тамбов в числе других рабочих-железнодорожников вследствие децентрализации управления Рязанской-Уральской железной дороги. В своих воспоминаниях (журнал «Коммунист», № 11, 1923) он рассказывает о том, как в Тамбове создавалась подпольная рабочая организация под флагом Российской социал-демократической партии. Тамбов, по его словам, считался старинным гнездом социалистов-революционеров. Об этом, кстати, свидетельствует и лидер эсеров Виктор Чернов в своих записках, опубликованных в 1922 году. Он, в частности, пишет, что «пускал в ход все свои умственные и словесные ресурсы», чтобы не допустить в Тамбове «марксистского поветрия». И надо сказать, ему многое удавалось сделать. Вот почему при рождении социал-демократической группы ее организаторы большое внимание уделяли идейной борьбе с эсерами. Свой вклад в это дело внесли Н. Васильев, Г. Нестеров, Н. Павлов, М. Вдовин, Г. Гальперин, В. Сперанский,

¹³ Они служили народу. — Сб. очерков. Куйбышев, 1968, с. 150.

В. Яхонтова, В. Подбельский, Г. Усиевич, М. Чичканов, Р. Землячка, И. Скворцов-Степанов, А. Ежов, а также упоминавшийся уже П. Гуров. «В 1904 году на положении высланного, — пишет Дронин, — здесь же (в Тамбове. — И. О.) пребывал марксист и в настоящее время активный работник нашей РКП тов. Гуров Петр»¹⁴. Конечно же, он не просто пребывал, а вел интенсивную и весьма полезную работу.

Об одной из дискуссий между большевиками и эсерами рассказывает в своей книге «За живой и мертвой водой» А. К. Воронский. На большой поляне в тамбовском пригородном лесу собралось тогда человек около двухсот. Среди них были лидер эсеров Мария Спиридонова, стрелявшая впоследствии в карателя Луженовского, Е. Ф. Кудрявцев, («адмирал»), убивший позже петербургского градоначальника, бывшего тамбовского губернатора фон дер Лауница, семинарист А. Доброхотов, также отличившийся в террористической деятельности. Социалистов-революционеров представляла в основном учащаяся молодежь, земские служащие, фельдшерицы, присяжные поверенные, а социал-демократов — рабочие и студенты. На собрании шла речь об аграрной программе большевиков, об их отношении к трудовому крестьянству и к интеллигенции.

— В то время, — закончил свою пространную речь приезжий оратор, социал-революционер, похожий на Добролюбова, — когда всюду гремят выстрелы и идет борьба не на живот, а на смерть, вы, социал-демократы занимаетесь мирной пропагандой в замкнутых ваших кружках. Так не добывают землю и волю. Ее берут с бою: «В борьбе обрешь ты право свое»¹⁵.

Ему умно и доказательно, по пунктам возражали слушатели, подслеповатый, в распахнутой студенческой тулупке и косоворотке Савич (партийная кличка Н. С. Васильева, который в 1904—1905 годах возглавлял тамбовскую большевистскую группу), рабочий А. Ежов. Они говорили о вреде «вспышкопускательства», об эффектных с виду, но бесполезных выступлениях. Правильен массовый путь, время героев-одиночек прошло. Сейчас лучше заниматься в рабочих кружках, чем тратить время на безнадежные акции и выступления в среде дворян и обывателей-мещан.

¹⁴ Дронин Г. Возникновение социал-демократической организации в Тамбовской губернии — «Коммунист» (Тамбов), 1923, № 11.

¹⁵ Воронский А. За живой и мертвой водой, с. 72.

Лежа на траве, слушая ораторов, с особенным вниманием порывистую и фанатичную Марию Спиридонову («Вспышкопускательство? А Гершуни, а Каляев, а Балмашев, а аграрный террор? Больше героизма, отваги, самоотверженности!»), Воронский вспомнил, сколько было сомнений и колебаний, когда он увидел, что бунт в семинарии предотвратить было нельзя, что он уже неостановим, как стихия. Но ведь марксизм отвергает стихийные, неорганизованные вспышки. С другой стороны, он понимал, что революционер должен быть с массами, чтобы не потерять их доверия, чтобы его не сочли за труса. Он был против бунта в такой форме, но когда стихия выплеснулась в коридоры семинарии, он принял участие в побоище, возглавил выступление разъяренных бурсаков. Ворвавшись в учительскую, Валентин закричал в лицо ненавистным своим воспитателям:

«Ага, вот вы где, мерзавцы! Я марксист, а вы довели меня до такого состояния, что мы вынуждены устроить погром! Обманщики, душителы!»

Старшие товарищи из социал-демократической группы по-отечески пожурили тогда Валентина и его товарищей за этот бунт, который по-разному был воспринят в городе. Отнюдь не всеми сочувственно. Вот почему бунтарям предложили выпустить прокламацию, в которой рассказать, что они — противники всяческих погромов, и если такое произошло, то они были вынуждены пойти на такой шаг, чтобы обратить внимание общества на несносное положение семинаристов. Что и было сделано, прокламация распространялась не только в семинарии, но и в городе.

Не мог знать Валентин, какую характеристику отправил епископ Тамбовский и Шацкий отец Иннокентий в учебный комитет при святейшем синоде. А он в своей записке «О бывших 26 марта с. г. среди воспитанников Тамбовской духовной семинарии беспорядках», в частности, писал: «Воронский Александр был самым главным виновником всего происшедшего в семинарии. Как выяснилось из расследования дела, Воронский давно уже агитировал среди учеников о необходимости движения для достижения своих требований и находился в сношениях с местным либеральным кружком; 24 марта, ночью, был на заседании общества попечения о детях, где, между прочим, читалась и обсуждалась петиция семинаристов. Развитой более других воспитанников и начитанный главным образом в отрица-

тельном направлении, он играл роль агитатора и в особенности между учениками младших классов, среди которых его часто видели держащим речи. 26 марта утром, как это видно из вышеприлагаемой копии с журнала правления, Воронский, во главе других, требовал от о. ректора разрешения им одним без начальства собраться на сходку в семинарском зале, устроил ее и там, до прихода о. ректора, говорил собравшимся речь с кафедры о необходимости забастовки, и когда о. ректор отказался исполнить требование прекратить занятия в семинарии, Воронский заявил ему, что они произведут насилие. Это и было осуществлено вечером того же дня после всенощной при самом деятельном участии Воронского. Он бил лампы и стекла и, ворвавшись в учительскую комнату, вооруженный стулом, с ругательством в каком-то иступлении бросался на о. ректора и преподавателей, с несомненным намерением нанести побои, но не привел в осуществление свою угрозу, вероятно, потому, что не встретил поддержки своих товарищей. По направлению своему Воронский был неподходящий для семинарии воспитанник: читал недозволенные книги, не подчинялся школьной дисциплине, порядкам общежития и, как мало верующий, часто уклонялся от богослужения, а если стоял в храме, то делал это механически, не осеняя себя крестным знаменем, на первой неделе великого поста исповедовался, но не приобщался св. тайн по убеждению. Правление семинарии такие ненормальные проявления в его поведении извиняло, снисходя к его болезненному, раздраженному состоянию (наследственная чахотка) и ввиду его неоднократного заявления о своем намерении выйти из семинарии, пока не выяснилось вредное направление его деятельности...»¹⁶.

Об этом весьма любопытном документе, хранящемся в Центральном государственном историческом архиве, сообщил мне литературовед, кандидат филологических наук Е. А. Динерштейн. Документ ярко, полно и объективно характеризует молодого революционера. Епископ краток, деловит и достаточно достоверен. В одном с ним нельзя согласиться: не было, к счастью, у семинариста Саши Воронского наследственной чахотки, которая свела в могилу его отца и младшую сестру. Иначе

¹⁶ Центральный государственный исторический архив, ф. 802, оп. 10, ед. хр. 26, л. 13.

бы ему не вынести многолетние скитания, бездомность, подполье, одиночество, этапы, царские тюрьмы и ссылки. Чего не было, того не было. Здесь епископ Иннокентий sluкавил, чтобы продемонстрировать свою терпимость и человеколюбие.

...Лежа в пригородном лесу, вслушиваясь в споры, Валентин отлично понимал, что настоящие битвы, настоящие испытания впереди. Это все подготовка к ним, так сказать, репетиция. Мы, революционеры, размышлял он, должны развивать в себе деловитость, непреклонность, целиком отдаваться своему идеалу. Только тогда сможем победить. Какой ценой победить? Многих из тех, кто сейчас присутствует на собрании, может скоро не стать, многих мы недосчитаемся в конце пути, но цель, идея, ради которой мы вышли на дорогу, стоит того. Как писал летописец Куликовской битвы: «Аз чаю победы, а наших много падет...»

Вспомнились село Добринка, где прошло его детство и отрочество, недавняя поездка туда, спор с родным дядей, отцом Николаем. Зная о радикальных настроениях племянника, тот попытался «разагитировать» своего родича, скорее всего по наущению матери. Люди, говорил он, устраивают бунты, революции, мечтают о вселенском счастье, но никогда ничего на земле не создавалось бунтами и революциями. Миллионы людей живут законами произрастания. Нужно пахать, сеять, разводить скот, сады, рожать детей — это главное на земле. Все остальное приложится.

Он сказал тогда дяде, что человеку нужно не произрастание, а творчество. И потом бывают такие моменты, когда определенные силы мешают человеку произрастать как следует. И эти силы надобно удалить. Так каждый и остался при своем мнении.

Дядя, правда, советовал, просил остаться в деревне, заняться мирным селянским трудом. «Велика жизнь, она как гора, ее не сдвинешь с места», — сказал он на прощание.

— Мы будем пробивать, дядя, туннели, — ответил ему Александр¹⁷.

Воронский серьезно готовился к будущим испытаниям. Для этого записался в боевую дружину и ходил вместе с товарищами за город обучаться стрельбе из револьвера. Он знал, что ему это пригодится в нелег-

¹⁷ Воронский А. За живой и мертвой водой. С. 65.

кой жизни подпольщика. Немало о предстоящих трудностях говорилось в доме Лукьяненко-Алексеевой, что находился на окраине Тамбова. Высланная из столицы по приговору судебного «процесса 193-х», Олимпиада Григорьевна поселилась в 1878 году с мужем на загородной даче, что на берегу канала реки Цны. До конца своей жизни находилась она под гласным надзором полиции. Ведь в завещании осужденных была четко выражена их позиция: «Уходя с поля битвы пленными, но честно исполнившими свой долг... мы по-прежнему остаемся врагами действующей на Руси системы, составляющей несчастье и позор нашей Родины. Мы завещаем нашим товарищам по убеждениям идти с прежней энергией и удвоенной бодростью к той светлой цели, из-за которой мы подверглись преследованию и ради которой готовы бороться и страдать до последнего вздоха»¹⁸. Валентин видел завещание, которое хранилось у хозяйки дома.

О. Г. Лукьяненко-Алексеева не отошла от борьбы, она осталась верна идее революции. Более того, осмысливая уроки «хождения в народ», она поднялась выше прежних народнических представлений о путях борьбы с самодержавием. И об этом убедительно написал инжавинский краевед Леонид Степанович Шурупов. [Кстати, проживая в Красивке, что расположена рядом с родиной Воронского Хорошавкой, он стал страстным пропагандистом его жизни и деятельности, организовал в Красивке музей земляка, по его инициативе одна из улиц здесь носит имя большевика-ленинца].

Шурупову удалось обнаружить в Центральном Государственном историческом архиве сообщение начальника Тамбовского жандармского управления департаменту тайной полиции, подтверждающее революционную позицию Лукьяненко-Алексеевой. В нем, в частности, говорилось: «Олимпиада Лукьяненко замечена с 1892 года в принадлежности к кругам неблагонадежных лиц, сформировавшихся в Тамбове, чем в настоящее время навлекает на себя сомнение в политической благонадежности»¹⁹. Впрочем, могли бы мы сказать, она никогда не отходила от тех кругов, которые так беспокоили жандармское ведомство.

¹⁸ Шурупов Л. Из плеяды революционеров. «Инжавинская правда», 1986, 20 декабря.

¹⁹ Там же.

У нее любила собираться революционная молодежь, «Принимала Олимпиада Григорьевна всех по-матерински, — позже писал А. К. Воронский, — любила давать советы, вспоминала семидесятые годы»²⁰. Что она вспоминала, легко себе представить. И поделиться было ей чем с начинающими подпольщиками. Ведь у народоволки был огромный опыт конспирации.

В ее доме с утра до вечера беспорядочно спорили, убеждали, опровергали друг друга. В лунные летние ночи молодежь отиравалась к Цне кататься на лодках, бродить по аллеям заброшенного сада. И это многолюдье, эту бурлящую ораву студентов, курсисток, артистов, поэтов и поэтесс нужно было накормить, что Олимпиада Григорьевна и делала с присущим ей хлебосольством и гостеприимством.

Любопытна такая деталь. Когда Степан поручил семинаристу Воронскому написать первомайскую листовку, его «первое произведение», тот отправился не куда-нибудь, а на окраину города, к дому Лукьяненко-Алексеевой, чтобы найти там пристанище для выполнения важного партийного задания. Перемахнув неожиданно для преследовавшего его сыщика через забор и оказавшись в запущенном саду, он увидел, что дом был ярко освещен, слышался смех, игра на скрипке, раздавались молодые голоса. Надежда на приют рухнула. Но показательно само по себе, что именно к дому Лукьяненко направился молодой подпольщик, надеясь, по всей вероятности, не только на угол для работы, но и на мудрый совет хозяйки.

Олимпиада Григорьевна была одним из наставников молодого Воронского. У нее он мог встречаться с большевиками-подпольщиками В. Н. Подбельским, Г. А. Усиевичем. Здесь они изучали и обсуждали сочинения Маркса, Энгельса, Ленина, Плеханова. Здесь в годы первой русской революции в подвале дома размещалась нелегальная литература, писались листовки, воззвания, которые потом расходились по всей губернии. Здесь формировалось в начале нашего века марксистское мировоззрение революционной тамбовской молодежи. И Воронского тоже. Недаром он с такой теплотой вспоминал потом Олимпиаду Григорьевну, дом которой был своеобразным генератором передовых идей.

²⁰ Воронский А. За живой и мертвой водой, с. 335.

Небезынтересно будет отметить, что она сама стала активной распространительницей партийной нелегальной литературы. Так, 8 июля 1904 года она вместе со своими детьми была задержана в поезде Тамбов—Инжавино. Полиция изъяла воззвания «Ко все запасным и рядовым», «Ко всему рабочему народу», изданные редакцией «Искры», ЦК РСДРП. Наличие у Лукьяненко таких изданий свидетельствовало о том, что она сама стала единомышленницей большевиков. До конца жизни боролась она с самодержавием. Ей посчастливилось дожить до победы Великой Октябрьской социалистической революции, которую она восторженно приветствовала. Умерла Олимпиада Григорьевна в Тамбове в 1918 году. К сожалению, память ее в областном центре никак не увековечена. Лишь в Красивке, и снова по инициативе неугомимого Л. К. Шурупова, одна из улиц носит имя землячки-революционерки.

А теперь вернемся снова в пригородный лес, откуда так далеко увели нас воспоминания молодого Воронского. Собрание социал-демократов и эсеров было долгим и бурным, кончилось поздно, когда уже уgomонились все лесные птицы. Возвращались в город группами и с большими предосторожностями. Валентин дождался, когда они остались вдвоем с Митей Доброхотовым, незаметной в темноте тропинкой прошмыгнули к Цне, где их дожидалась припрятанная плоскодонка. Плыли молча. Да и о чем говорить? Митя, единственный сын городского священника, был сверстником Валентина. Учился он в семинарии хорошо — шел первым учеником, скромник, поведения примерного. А вот поди ты, увлекся идеями эсеров, стал их ярким приверженцем. И, как всякие цельные натуры, выбравшие то или иное направление, был непоколебим в своих взглядах. И это несмотря на внешнюю мягкость и покладистость. Валентин потерял надежду перетянуть Митю на позиции социал-демократов и махнул на него рукой. Хотя общаться с ним любил, бывал у него дома.

Лодка ткнулась в берег, и Митя быстро примкнул ее к железному крюку. Валентин сторожко вслушивался в ночную темь. Все спокойно, тихо, от реки тянуло теплом, не хотелось уходить.

— Может, ко мне? — шепотом предложил Митя товарищу.

— Нет, не могу, ждут, — также шепотом ответил Валентин.

Выйдя на Большую улицу, они сразу же разошлись: Митя пошел домой, а Валентин — на Долевую улицу, где в большом полупустом доме жили коммунальной исключенные из семинарии бурсаки. Они обзавелись небольшим домашним хозяйством, купили на толкучке огромный зеленый самовар, хотя питаться продолжали всухомятку, беспорядочно. Спали все на полу вповалку. Комнаты имели нежилой, сарайный вид, но на это мало кто обращал внимание. Кое-кто получил временную работу в земстве, другие пробавлялись дешевыми уроками, случайными заработками. Жили хоть и впроголодь, но весело, дружно. Правда, за последнее время коммуна заметно поубавилась. Осталось человек десять, в основном безотцовщина. Но эти за коммуны держались крепко: податься было некуда. Все отлично понимали, что долго так не может продолжаться, надо думать о будущем. Вот уже и околоточный к ним заглянул, просил вести себя благопристойнее, и будочник, стоящий недалеко от их квартиры, всем своим видом выражал неодобрение вольницы.

В коммуны Валентин спешил потому, что там его ждал дядя Сеня, неожиданно прикативший сегодня утром из своих Озерок на самодельном велосипеде. Псаломщик Семен Гаврилович Любвин был дядей по матери. Он «баловался» машинами, из которых хотел собрать вечный двигатель: полагал, что в этом деле может пригодиться любой железный лом, который выискивал где только мог. А вечный двигатель дяде Сене был нужен затем, чтобы ликвидировать нужду на земле, осчастливить людей, сделать их зажиточными. «За каким нечистым нужна ваша революция, кому она, если будет вечный двигатель?.. — обращался он к мятежным бурсакам, собравшимся переустроить мир. — Поставил у каждой избы такую машину, махонькую, и все миллионщиками станут. А почему? Потому что — дармовая сила: сиди себе посиживай, а она будет на тебя работать...»²¹.

Таким путем псаломщик из Озерок собирался ликвидировать социальное неравенство людей на земле. Он, естественно, не одобрял взгляды сына и племянника Саши, их друзей. Увидев утром пачку прокламаций, испуганно замахал руками: «Зачем вам все это? Не такие вояки бывали, а упекли куда Макар телят не гонял...»

²¹ Воронский А. За живой и мертвой водой, с. 39.

Дядя Сеня пришелся всем по душе своей незлобностью, веселым, покладистым нравом. С его приездом в коммуне стало как-то уютнее. Хотя беспорядка не уменьшилось. Валентин собирался поговорить с дядей перед поездкой в родное село Хорошавку. Дальше откладывать было нельзя: грядет зима, надо пристраиваться к настоящему делу. Он твердо решил целиком посвятить себя профессиональной революционной деятельности. Для этого, возможно, придется уехать из Тамбова. Нужен будет паспорт. А его, как объяснили в городской полицейской управе, не выдают без свидетельства на право по происхождению. Такое свидетельство он мог получить в хорошавской церкви, где был крещен. [Кстати, Л. С. Шурупов разыскал в архивах метрическую книгу по хорошавской церкви за 1884 год, в которой указано, что родился А. К. Воронский в Хорошавке 27 августа (старого стиля) 1884 года. Восприемниками (крестными) были корнет в запасе Семен Александрович Унковский и девица, дочь генерал-лейтенанта, Мария Александровна Унковская²². Обращаю внимание на этот факт, ибо в ряде солидных изданий, в периодике до последнего времени местом рождения Воронского ошибочно называют село Добринку Липецкой области].

Хотелось узнать у дяди, работавшего в церкви, не потребуются ли какие справки для получения этого свидетельства? Не будут ли чиниться препятствия при выдаче его из-за того, что он исключен из семинарии? Легкий на подъем псаломщик мог укатить на своем «ковре-самолете» в любую минуту, ибо отлучился он с работы самовольно. Валентин же хотел обязательно обсудить волнующий его вопрос с дядей.

Журналист из села Добринки Липецкой области Валентин Николаевич Волокитин, так же как и Л. С. Шурупов изучающий жизнь и творчество А. Воронского, рассказал на страницах районной газеты «Заря коммунизма» о судьбе Семена Гавриловича, дяди Сени, сельского умельца и изобретателя. Его двор был завален железным хламом, на покупку которого он тратил весь свой скромный заработок. И после революции псаломщик продолжал разъезжать по селам на самодельном

²² Запись в метрической книге на 1884 г. Ч. I. «О родившихся». — Архив Инжавинского районного бюро ЗАГС Тамбовской области.

самокате, разжигая зависть и любопытство деревенских ребятишек. Он возился с машинами, не расставался с мечтой об изобретении вечного двигателя, который, по его мнению, должен был осчастливить род людской. Но пока двигатель не получался, он собирал для крестьян молотилки, которые работали не от конного привода, а от движка. Безлошадные сельчане охотно пользовались его услугами: за небольшую цену он скоро и чисто обмолачивал снопы.

Сергей Николаевич Горбачев, в доме которого жил дядя Сеня, рассказывал:

— Был я тогда еще парнишкой. Любил смотреть, как дядя Сеня целыми днями сверлит, пилит, стругает... С удовольствием помогал ему. Помнится, однажды притащил из Павловки металлическую плиту. Тяжелая была. Дядя Сеня радовался: давно искал такую... Когда он переезжал к нам в Добринку из Озерок, ему пришлось нанять для перевозки своих железок несколько подвод²³.

Дяде Сене, благословившему поездку Александра в Хорошавку, почти четверть века спустя передал свою благодарность Воронский со страниц книги: «Поклон тебе, наш незабываемый, чудесный, покладистый коммунар».

...Поезд на Инжавино уходил утром. Воронский ехал в Хорошавку, откуда его увезли ребенком. Давно Валентин мечтал об этой поездке, она его волновала, будоражила. Ехал за свидетельством, которое требовалось для получения паспорта, ехал на отцовскую могилу за его безмолвным благословением, прежде чем ринуться в бурное житейское море. Детские впечатления отрывочны, но ярки... Помнится река Ворона, дубрава за ней, колодец дьячка Николаича, куда он нечаянно свалился и чудом остался жив... Помнится умирающий отец — ласковый, тихий. Было ли все это наяву или воссоздано по рассказам матери? Было, было! И река, и солнце, затопившее берега и луга, и стаи рыбной мелюзги на мелководье, и короткое, золотое, счастливое детство при живом отце. Никакого наследства не оставил он сыну, кроме отменного здоровья да чести носить титул потомственного и почетного гражданина Хорошавки. А чтобы заслужить честь именоваться подобным образом, надо было прослужить на одном месте не менее

²³ Волокитин В. Дядя Сеня, изобретатель «вечного двигателя», — «Заря коммунизма» (Добринка), 1971, 9 сентября.

25 лет. Они и прослужили, его предки, не одно десятилетие на берегах красавицы Вороны.

...Поезд набирал скорость. За окном вагона промелькнул ажурный железнодорожный мост, блеснула сталистая гладь Цны. Возвращаясь недавно с прогулки на легкой двухвесельной лодке, он повстречал недалеко от моста «адмирала» — Е. Ф. Кудрявцева, который плыл с неизвестным студентом и молодой обворожительной девушкой. Валентин видел ее в одном ученическом кружке, где шел спор о терроре. Кажется, ее зовут Рахилью. Да-да, Рахиль... Она недавно появилась в городе. Жалко, что Рахиль не из наших и в споре том наступала на него как-то уж очень неистово, иступленно. Она тоже из социалистов-революционеров, как и «адмирал».

В тот поздний вечер их лодка крепко села на мелководье. Валентин, проплывавший мимо, засучил брюки и помог им сдвинуться с места. Девушка еще крикнула ему в темноту:

— Спасибо, бука! Не нужно быть таким серьезным и сумрачным. Это у вас от вашего марксизма!

Валентин ничего тогда не ответил, чтобы не нарушить сонную тишину реки, не вспугнуть очарование летнего вечера.

Ничего он не ответил тогда Рахили, а только подумал про себя: «И все-таки не я, а вы сели на мель, уважаемые господа, не вы мне, а я вам помог сдвинуться с места. Так-то...»

Миновали станции Цна, Рассказово, Ломовис... Поезд увозил Валентина в самую глубь России, бурлящую и ждущую перемен. Был август 1905 года. На Тамбовщине полыхали помещичьи усадьбы, то там, то здесь вспыхивали крестьянские бунты, которые жестоко подавлялись карателями. Ох, беспокойно чувствовали себя помещики Унковские, Мясоедовы, Крупновы, Петрово-Солововы, понастроившие на высоких живописных берегах Вороны свои роскошные дворцы, перегородившие ее плотинами для мельниц. А сколько бедствий крестьянам приносили своры собак Унковского. Они вытапывали посевы, волкодавы рвали одежду, увечили людей, и не было никакой управы на их владельца. Он в этих краях — царь и бог. Олимпиада Григорьевна Лукьяненко-Алексеева рассказывала, что семь помещиков Красивской волости имели земли в семь раз больше, чем все крестьяне вместе взятые. А она хорошо

знала эти места: в Красивке, что соседствует с Хорошавкой, находилось имение ее матери, помещицы Дьяковой, и Олимпиада Григорьевна любила здесь гостить летом. Знал Валентин, что два года назад здесь побывал агент ленинской «Искры» П. Г. Смидович, который доставил местным социал-демократам большое количество литературы, в том числе и номера «Искры». Она распространялась тогда по всей волости, а кое-что даже попало в Тамбов.

Да и в его родном селе Хорошавке был свой человек, доктор С. С. Некрасов. Валентин знал о нем только по рассказам. Сын дьячка, получив медицинское образование, он приехал в Хорошавку и посвятил свою жизнь окрестным крестьянам. Бесплатно их лечил, щедро помогал сиротам, погорельцам и вдовам. У него для этого были возможности: доктор женился на дочери Унковского, и отец не поскупился на приданое. Деревянный просторный дом сельского лекаря вознесся над Вороной, недалеко от церкви, где служил отец. Все это Валентин знал по рассказам товарищей, побывавших здесь, и от своей матери. Она очень любила Хорошавку, часто вспоминала ее, не раз ездила на могилу к мужу.

...Валентин тоже первым делом направился к церкви, в ограде которой лежал отец. Постоял у могилы в скорбном молчании, потрогал сочные кустики сирени у ограды, подумал о бренности земного бытия и пошел к дому священника, где родился, сделал свои первые шажки по земле, узнал родительскую ласку. После заглянул и во двор дьячка Николаича, узнал тот самый колодец. Только сруб его был приподнят над землей и закрыт крышкой. «Уж не после того ли случая догадались закрыть крышкой?» — подумал весело, вдыхая колодезную свежесть, с какой-то жутковатостью отыскивая внизу еле мерцающее зеркало воды. Ну, а журавль был, конечно, старый. Он должен помнить его, маленького Сашу.

Валентин опустил на дно колодца бадейку и вытащил ее из тоннельной глубины — тяжелую, до краев полную родниковой влаги. Жадно прильнул к обопревшим, осклизлым краям бадейки, словно совершал языческий ритуал. Вода была на удивление вкусной и не такой холодной, как ожидалось. Она была мягкой, не похожей ни на какую другую, которую он до этого пил. «Живая вода, — подумал Валентин. — Для меня живая,

а ведь могла стать и мертвой...» И вспомнились первые сказки отца, которые он слышал здесь, вот на этой земле, о Василисе Премудрой, лягушке-квакушке, Бабе Яге — костяной ноге, о живой и мертвой воде, которую добудет человек силою ума и хотения и создаст, обязательно создаст свою сказку на земле. В это он свято верил.

...Свидетельство в церкви было получено без всяких осложнений. Священник, узнав, что к ним пожаловал сын Константина Осиповича, которого в селе помнили, был сама любезность и предупредительность. Отыскав в метрической книге строчки, удостоверяющие рождение Александра, он четким почерком вывел рядом: «1905-го, 11-го августа. Свидет. на права по происхождению выдано Александру Воронскому».

— Росписи не требуется? — улыбнулся Валентин, обрадованный легкостью процедуры.

— Нет, сын мой, церковь верит своим отцам, — сухо отвечал священник, не принявший шуток.

Получив свидетельство, Воронский направился к Некрасову, к которому имел поручение Тамбовского комитета РСДРП. Встретили его радушно, по-семейному.

Их имение, позже писал А. К. Воронский, «летом походило на дачу или на дом отдыха, куда приезжали поправляться революционеры, чаще всего социал-демократы. Приедет кто-нибудь, предъявит рекомендательное письмо, живет недели две, месяц, а иногда и больше. Каждый раз, когда по ночам раздавался звон колоколов, у нас думали, что едут жандармы или пристав с обыском, поднимался переполох, беготня. «Гости» летели сломя голову на зады, в парк, в лес, в поле, куда попало, рвали на бегу письма, литературу... Уезжали «гости» так же внезапно, как и приезжали. Проснешься утром, смотришь, соседняя кровать или диван пусты: уехал; скучно не было»²⁴.

Здесь, в Хорошавке, у Валентина состоялась встреча, круто изменившая всю его жизнь. Одним из «гостей» Некрасовых был Макар, видный партийный работник, который жил за границей, сидел в тюрьмах. Он-то и посоветовал ему уехать из Тамбова, поскольку его знала уже полиция, да и размах работы в провинции узкий. Нужно поработать в центре, где идет настоящая борьба. «Я дам вам явку в Петербург в Центральный

²⁴ Воронский А. За живой и мертвой водой, с. 69.

Комитет, в акционерное общество «Саламандра», — сказал Макар Валентину, — у меня есть приятель, он занимает там видное место и может дать заработок». Чем-то приглянулся тамбовец опытному подпольщику, что-то привлекало его в нем. И это был перст судьбы.

Макар, естественно, партийная кличка. Кто же он был на самом деле? Соратник Ленина, старейший член партии, первый большевистский председатель Моссовета Виктор Петрович Ногин. По каким-то причинам автор книги «За живой и мертвой водой» не стал расшифровывать псевдоним. Это сделал краевед Л. С. Шурупов. Действительно, Ногин был «видным партийным работником» (как пишется в книге), — в то время он являлся представителем ЦК в России. Из краеведческой литературы известно, что он был связан с тамбовскими большевиками, вел с ними переписку, доставлял литературу. Но документально не осталось никаких свидетельств о его пребывании в Хорошавке. Нигде, кроме книги А. К. Воронского «За живой и мертвой водой». В книге В. Архангельского «Ногин» (серия ЖЗЛ) рассказывается о том, что в 1905 году В. П. Ногин бежал из ссылки с Кольского полуострова. Рассказ об этом эпизоде заканчивается словами: «Две недели скитаний по России и Европе...»²⁵. Так вот эти две недели скитаний и приходится на август 1905 года.

Уже через два дня с рекомендательным письмом Макара, тощеньким чемоданчиком для нехитрых дорожных пожитков да стопкой книг в нем, в корешке одной из которых упрятаны явочные адреса на папиросной бумажке, «потомственный почетный гражданин Хорошавки» держал путь в Петербург. Можно сказать, он ехал навстречу судьбе. Приняли его на явке Мария Ильинична Ульянова и рабочий Сергей Малышев. Приняли не с распростертыми объятиями; они посоветовали ему вернуться обратно, деньги на дорогу дадут. Дело в том, что на работу устроиться трудно, более крупные работники сидят сейчас без мест. Но он заупрямился. Вот как об этом рассказывает сам Сергей Малышев, профессиональный революционер, впоследствии крупный партийный и хозяйственный работник, занимавшийся и литературным трудом: «Вспоминаю один из многочисленных фактов наплыва к нам молодежи. Сидели мы с

²⁵ Архангельский В. Ногин (Серия ЖЗЛ). М., 1964. с. 255.

Марией Ильиничной на явке в районе Коломны на Ломакинской улице, в квартире какого-то инженера.

В числе проходящих туда явился молодой человек, лет семнадцати-восемнадцати.

Он заявил себя тамбовским семинаристом. В говоре его, в выражении лица, в том, как он хмурил лоб, и в одежде виден был типичный бурсак.

Мне показалось, что в таких молодых годах принимать в партию мы не должны. В моей организационной практике были случаи, когда такие юноши попадали в коршуны лапы жандармов и те лепили из них все что угодно. Поэтому я упорно убеждал пришедшего на явку понять мои мотивы отказа. И не настаивать на предоставлении ему партийной работы.

Но парень и слушать не хотел: «Позвольте получить партийную работу». Я ему говорил, что вы, мол, провалитесь по молодости, провалите и нашу организацию. Но в ответ на это парень ершился, шумливо требовал предоставить ему работу в партии.

Увидев, что его легко обратно не повернешь, я сказал, чтобы он приходил ко мне на квартиру, дал ему свой адрес.

Таким образом я хотел обстоятельно разглядеть бурсака и выяснить возможность использования его для партии.

Жил я в комнате рабочего. Очень маленькой и тесной. В ней и поселил я своего молодого и упрямого товарища, который оказался известным литератором-большевиком тов. Воронским. Тов. Воронский, ознакомившись с нашим районом, сам устроился в кружок к Немцову, быстро привык к конспиративной форме работы и выполнял все, что требовалось в наших большевистских условиях. А дальше он закрутился в этом партийном колесе уже без моей помощи...»²⁶.

Он и впрямь с головой окунулся в работу, ревностно исполнял обязанности агитатора партии. Оповещал товарищей о собраниях и деловых свиданиях, передавал записки, предупреждал об арестах, посылал денежные переводы, шифровал и отправлял письма. То есть делал то, без чего не могла тогда, в условиях подполья, существовать партийная организация. Когда освоился с районом, возмужал, набрался опыта, ему разрешили

²⁶ Малышев С. Боевые странички 1905 года. Л., 1925, с. 25—27.

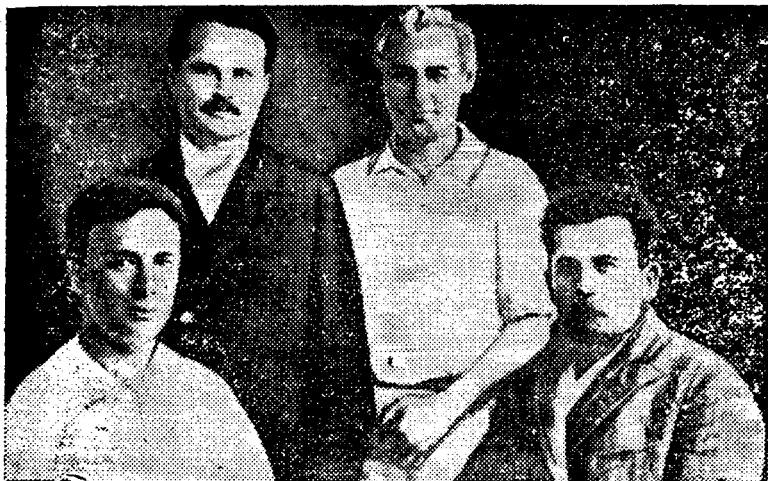
выступать с речами на фабриках и заводах. Обстановка была непростой. Однажды на фабрике Беккера на него после митинга напала группа черной сотни. Но рабочие не дали в обиду молодого и толкового оратора. Идеалом подпольщика был товарищ Абрам (подпольная кличка Н. В. Крыленко, ставшего впоследствии главным прокурором республики). Товарища Абрама знали и любили рабочие Питера. В своих выступлениях он громил кадетов, социалистов-революционеров и меньшевиков, пользовался большой популярностью у рабочих. Как хотелось походить на него Валентину! Спустя годы, когда пришло время сесть за мемуары, он с присущей ему самоиронией написал: «Революционное честолюбие! Не так-то легко избавиться от него, если вам двадцать лет и так хочется греметь народным трибуном, грозно обличать и «потрясать сердца» масс и... хорошеньких девушек».

Жил он в это время на краю тихой Елизаветинской улицы за Нарвской заставой. Этот флигелек из трех комнат часто называли «коммуной Сени Маркова». Здесь часто (как это было похоже на Хорошавку и дом Некрасова!) останавливались и жили подпольщики, которые не всегда были известны самому хозяину флигеля — рабочему Маркову. Но таковы были условия конспирации. Обитатели флигелька по-братски делились своими скромными достоинствами, выполняли поручения районного комитета, устраивали собрания большевистского кружка.

«Я сошелся с кружком путиловских рабочих, — вспоминал позже Александр Константинович. — С ними я ходил по кружкам, пробирался на завод, в мастерские, нередко ночевал в коммуне, а потом переселился к ним совсем. Руководителями в кружке были смысленный интеллигентный рабочий Бойко (подлинная фамилия Буйко. — И. О.) и Марков, отличавшийся практической сметкой»²⁷. Молодой революционер, по его же собственным словам, по вечерам докучал коммунарам и испытывал их терпение «экскурсиями в горные области философии, логики и психологии». Утомленные за день физическим трудом, его товарищи часто засыпали, убаюканные мудреными философскими терминами бывшего семинариста.

Писатель и краевед Семен Владимирович Евгенов

²⁷ Воронский А. За живой и мертвой водой, с. 118.

«Коммуна Сени Маркова»: (слева направо) М. В. Богданов, С. В. Марков, А. К. Воронский, А. М. Буйко

сообщил мне, что есть фотография, на которой запечатлены обитатели популярного у питерских рабочих флигелька. Узнав, что я собираю материал о жизни А. К. Воронского, добрейший Семен Владимирович прислал открыточку, на которой бисерными буквами, в частности, писал следующее: «Не забудьте об очень интересных встречах А. К. (Воронского. — И. О.) с В. Н. Подбельским в Яренске, о том, что в путиловский период А. К. жил в «коммуне Сени Маркова», своего земляка, откуда А. К. забрали; С. В. (Марков — И. О.) носил ему передачи, не знал, что «товарищ Валентин» его земляк; что в 1931 году они встретились с другими бывшими путиловскими старыми большевиками (у С. В. Маркова хранилась эта фотография, имеется в отличной копии и у меня, — в центре А. К.)»²⁸.

Он, конечно же, щедро поделился со мной этой копией, а я обратился к его книге «Тамбовские рассветы», в которой помещен очерк о связном Ильича — тамбовце С. В. Маркове.

Семен Васильевич Марков родился в селе Петровское Княже-Богородицкой волости Тамбовской губернии (ныне село относится к Сампурскому району). Тру-

²⁸ Личный архив автора.

довая биография его началась с четырнадцати лет. Работал в магазине мальчишкой на побегушках, повзрослев, уехал на юг, к дяде, трудился на Керченском металлургическом и Николаевском судостроительном заводах. После отсидки за большевистскую деятельность юг пришлось покинуть: шпики буквально наступали ему на пятки. Настоящим рабочим и политическим университетом стал для него Путиловский завод, где он приобретал партийную закалку, пополнял свой теоретический багаж. Кстати, в партию он вступил в одном году с Воронским — в 1904-м. Он был членом Нарвского районного комитета, на заводе организовывал стачки, помогал созывать массовки, участвовал в боевой дружине. В декабрьские дни 1905 года, когда события менялись с необыкновенной быстротой, Марков ходил за советами и разъяснениями к руководителю нарвской организации — Михаилу Ивановичу Калинин. Авторитет Маркова в рабочей среде был довольно высок. Об этом свидетельствует, к примеру, в своей книге «Путь рабочего. Воспоминания путиловца» Александр Михайлович Буйко, один из старых «коммунаров». Он, в частности, пишет: «Кружки и встречи с интеллигенцией сильно развили меня. В этом много помогали Елисей (Цейтлин), Дина (Иоффе), Герман (Шеломович), Соня (М. В. Савинская), Валентин (Воронский), а также рабочие, мои близкие товарищи по заводу — С. В. Марков и М. В. Богданов».

О большом доверии к Маркову со стороны Петербургского комитета партии говорит тот факт, что ему было поручено в 1907 году быть связным В. И. Ленина. В 1906 году Ильич нелегально жил под Петербургом, в финской деревне Куоккала. В начале 1907 года события разворачивались очень бурно, нужна была постоянная свежая информация. Каждое утро Семен Васильевич привозил на дачу «Ваза» свежие газеты и журналы, доставлял письма, выполнял отдельные поручения вождя по связям с редакциями газет. Дача стала своеобразным штабом большевиков. Со всех концов России и Питера-батюшки шли сюда вести, а отсюда давались директивы, советы. Иногда приходилось даже заночевать у Ленина, поскольку возвращаться обратно было поздно и опасно. Естественно, Владимир Ильич, с присущей ему дотошностью и любознательностью, выспрашивал о жизни рабочих, их настроении, рекомендовал, что следует прочесть о Думе и вообще о современ-

ном моменте. Давал книгу из своей библиотеки, просил ее беречь, так как второго экземпляра у него не было.

Таким образом, С. В. Марков в течение более чем двух месяцев обеспечивал связь Ильича с питерскими большевиками. Обеспечивал безупречно.

...В один из темных сентябрьских вечеров, когда вся коммуна была в сборе и Валентин после ужина развивал перед уставшими рабочими свои философские теории, во флигель ворвались казаки, скрутили ему и его товарищам руки, вывернули карманы, обшарили одежду, перевернули всю мебель. Вот как об этом рассказывает сам хозяин флигелька С. В. Марков. Поскольку его воспоминания, увидевшие свет в 1925 году в журнале «Пролетарская революция», никогда больше не перепечатывались, а они представляют несомненную ценность для многих краеведов, приведу их как можно полнее. Итак, он пишет: «Приблизительно в сентябре (1906 года) я был арестован у себя на квартире, за Нарвской заставой: со мной одновременно были арестованы еще три товарища: Александр Буйко (слесарь Путиловского завода, ныне зам. секретаря Дальбюро ЦК РКП(б)), Михаил Богданов (токарь Путиловского завода, ныне ответственный работник Московско-Нарвского района), тов. «Валентин» (интеллигент, работавший в нашем районе и проживавший у меня на квартире). В последнюю мою поездку в Москву — январь 1924 г. — мне мои старые знакомые большевики говорили, что тов. «Валентин» — это тов. Воронский, не знаю — он ли? (Прим. от редакции: тов. Воронский подтверждает, что это был он.) При аресте у нас забрали много легальной и нелегальной литературы. Меня, Буйко и Богданова засадили на 1½ месяца, что мы и отбыли при Коломенской части, настоящие тюрьмы были переполнены, а посему краткосрочных сажали при полицейских участках. Всю забранную литературу — корзину и чемодан — охранники оставили себе. Что касается тов. «Валентина», то с ним дело было похуже: у него при аресте была найдена небольшая бумажка, но за эту небольшую бумажку ему дали довольно-таки большой срок наказания — 1½ года одиночки, которые он отбывал при питерской пересыльной тюрьме, куда я к нему ходил на свидания и носил ему еду, а во время свидания он мне сообщил, что найденная у него при аресте бумажка была написана его рукой, — это, кажется, была резолюция об организации боевых троек... По-

том я «Валентина» совсем потерял из виду. Наружность его я и сейчас хорошо помню: небольшого роста, худенький, бледный, но живой и подвижный, белокурый молодой юноша; он в это время увлекался философией, и помню, как он с жаром разъяснял нам, ни черта не понимающим в философии, что такое «Критика чистого разума» Канта»²⁹.

Впоследствии Семен Васильевич Марков работал председателем Петровского сельсовета, был членом президиума Княже-Богородицкого волисполкома, в 52 года в порядке почти небывалого исключения был принят на отделение истории партии Института красной профессуры. Некоторое время возглавлял Тамбовскую губернскую контрольную комиссию, был объективным и строгим по отношению к двурушникам и лжецам. В скорбные дни, когда Москва прощалась с В. И. Лениным, он стоял в почетном карауле у изголовья Владимира Ильича. «...Смотрел на хорошо знакомое мне лицо, которое я привык видеть склоненным над работой в маленькой комнатке деревянного дома у самого леса на станции Куоккала... Отстояв караул, я еще побыл несколько часов в зале, чтобы хорошенько запечатлеть черты любимого лица»³⁰, — так вспоминал он сам об этих скорбных минутах.

Хотелось бы исправить неточность воспоминаний Маркова относительно Валентина. Воронский был осужден Петербургской судебной палатой не на полтора года, а на год с зачетом предварительного заключения. Допускает ошибку и С. В. Евгенов в книге «Тамбовские рассветы», когда пишет, что А. К. Воронский был сослан из пересыльной тюрьмы в Яренск, где он встретился с другим тамбовцем, отбывавшим ссылку в том же месте, — В. Н. Подбельским. Это было позже, когда его арестовали во второй раз (в октябре 1907 года, сослан был в Яренск он в феврале 1908 года).

При обыске у Валентина нашли несколько прокламаций, два листка с проектом резолюции о необходимости усиления работы по организации боевых дружин, узкую ленту папиросной бумаги с зашифрованными адресами боевиков и явочных квартир (ее удалось на

²⁹ Марков С. Мои воспоминания о В. И. Ленине. Пролетарская литература, 1925, с. 44—45.

³⁰ Евгенов С. Тамбовские рассветы. Воронеж, 1970, с. 165—166.

глазах казаков уничтожить) и письмо к матери. На ее просьбу поступать в университет сын отвечал, что сделать этого не может, так как «по горло» занят социал-демократической работой. Понимая, что письмо такое по почте отправлять нельзя, он его положил в карман, собираясь уничтожить. Потом, когда вспомнил о нем, почему-то в кармане не обнаружил. Как выяснилось при обыске, оно провалилось через прорванный карман пальто и стало одной из серьезных улик. А обвиняли его в принадлежности к преступному обществу, которое поставило цель ниспровергнуть существующий строй. Отсидживал он свой срок в «Крестах», в одиночке. Здесь научился тюремной азбуке, как и другие заключенные, ловил и спускал через окно «удочки» с табаком, записками и нелегальной литературой. Последние два месяца провел в Тамбовской тюрьме, начальник которой знал Валентина, его родственников. Возможно, поэтому заключенный и получил ряд поблажек: книги, передачи вне очереди, свидания по часу вместо полагавшихся пятнадцати минут. «Он любил вступать со мной в политические беседы, — писал позже А. К. Воронский в «Тюремных мелочах», — и сетовал, что молодость моя проходит в местах заключения. Это несколько не помещало ему подвергнуть меня самому тщательному обыску»³¹.

...Когда же и каким образом встретились коммунары с Нарвской заставы, арестованные сентябрьской ночью 1906 года? С. В. Евгенов пишет, что в 1931 году; дочь революционера Г. А. Воронская предполагает, что в 1932 или 1934 году в одном из санаториев Кисловодска. Точную дату помог установить наш земляк, моршанец, человек интереснейшей судьбы Анатолий Михайлович Рыжов. Он работал вместе с С. В. Марковым в Тамбовской губернской контрольной комиссии. Он и рассказал мне, как в 1926 году к нему, проживавшему тогда в Пятигорске, приехал погостить С. В. Марков. Затем он отправился в Кисловодск, где случайно в парке встретил Воронского, Богданова, Буйко: они отдыхали в санатории «Красные камни».

В жизни, конечно, всякое бывает. Могла быть и эта встреча случайной. А не могло быть так, что, списавшись, члены «коммуны Сени Маркова» решили встретиться спустя двадцать лет, вспомнить свою боевую моло-

³¹ Воронский А. Рассказы и повести. С. 100.

дость? Предположения могут быть разные. Знаменательно другое: два наших земляка, одному из которых жизнь обещала судьбу попа в обнищавшем приходе, другому — долю батрака, — мобилизованные революцией, в тяжелое для партии время были рядом с Лениным. Какая завидная судьба — работать рядом с Ильичем, общаться с ним, быть свидетелем и активным участником его исторических деяний.

О Ленине молодой революционер услышал еще в Тамбове, обучаясь в семинарии. Ему стало известно, что Ленин — эмигрант, марксист, и стоит за организацию профессиональных революционеров. Это имя звучало паролем на одной из сходов тамбовской молодежи, в которой семинарист Воронский принимал участие.

Впервые он увидел Владимира Ильича Ленина в 1905 году в зале Вольного экономического общества, где тот выступал по земельному вопросу. Поразила не только манера выступления: полная самоотдача, страстность.

Покорила логика речи, ее аргументированность и доказательность. Нисколько не подлаживаясь к аудитории, он убеждал ее силою могучего интеллекта.

И тогда Валентин понял, что перед ним «главный вожак революции, ее ум, сердце и воля». И эту убежденность он пронесет через всю жизнь, годы лишь усилят его духовную, идейную и нравственную близость с Лениным. Он войдет в когорту его старогвардейцев, в то самое боевое ядро, которое, по выражению самого Владимира Ильича, выпестовало партию большевиков.

Вторая встреча состоялась 27 августа 1906 года во время партийного собрания, организованного Петербургским комитетом РСДРП. На нем Валентин присутствовал в качестве агитатора Василеостровского района. И не только присутствовал, но и вступил в спор с Лениным по поводу бойкота Государственной Думы. Конечно же, это было непростительное легкомыслие с его стороны: упрекать Владимира Ильича в небольшизме, потому что тот выступил против бойкота Думы. И что же Ленин? Он «прыснул от смеха, схватился обеими руками за голову, захохотал звонко, раскатисто и громко»³². Этот курьезный случай был, пожалуй, единственным, когда А. К. Воронский оспаривал точку зрения вождя партии по политическому вопросу.

³² Воронский А. За живой и мертвой водой. С. 134.

А встреч с ним впереди, к счастью, предстояло много: двенадцатидневное общение во время работы Пражской партийной конференции, на съездах Советов, на партийных конференциях и съездах, просто по текущим делам в кабинете Владимира Ильича или у него дома. По предложению Ленина Воронский был назначен редактором первого советского толстого журнала «Красная новь», и первое организационное заседание редколлегии состоялось в кремлевской квартире Ильича. Он станет референтом Ленина по белоэмигрантской печати, не один раз будет обращаться к нему с деловыми бумагами и письмами. Так, находясь 26 сентября 1920 года в Москве в качестве члена ВЦИК на очередной сессии Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, Воронский писал: «Я сижу пока в Иванове. Переправляю Вам также доклад о снабжении нашей Красной губернии, составленный нашим Губпродкомом. У нас пускают 18 фабрик текстильных. Думаем, что с этим справимся. Если отпустит губком, рассчитываю месяца на 2 хотя бы урвать время и помочь, чем могу, т. Фрунзе на соляном фронте. Он мой старый приятель по тюрьме.. Теперь у нас, ивановцев, будет сильная тяга на юг, ибо к Фрунзе многие поедут с большой готовностью. Пока всего лучшего. Я здесь на конференции и сессии. Хотел добиться свидания с вами минут на 10, да раздумал. Очень у Вас много дел. Обойдусь пока письмом. Кое-что следовало бы рассказать про наши фабрики, но отложим до другого раза... когда не будет войны»³³.

Эта корреспонденция, написанная торопливо, судя по всему, в перерыве заседаний сессии ВЦИК, передает, говоря словами Мариэтты Шагинян, воздух тех лет, «энергию той простоты, чистоты воздуха, которым дышали старые большевики». Правда, сказано это ею по другому поводу, но тоже связанному с письмом Воронского, в котором он сообщал ей, что «очень Ваши вещи нравятся тов. Ленину». «Тов. Ленин». «Тов.», как мы все... Это может удивить, но на все это, как на самое простое, обычное, всегдашнее в те годы смотрели люди»³⁴, — пишет Шагинян.

³³ Письмо А. К. Воронского В. И. Ленину (Публикация И. Смирнова). Новый мир, 1964, № 12, с. 214.

³⁴ Мариэтта Шагинян. Человек и время. Новый мир. 1978, № 9, с. 181—182.

Направляя другое, ноябрьское, письмо А. К. Воронского в военное ведомство для принятия необходимых мер, Ленин пишет на нем, что знает Воронского как старого, надежнейшего партийца³⁵. Не знал этих слов наш земляк. Они — как дорогая и заслуженная награда за годы подполья, когда его и других старогвардейцев травили, именовали не иначе как «ленинскими молодцами». Позже в автобиографии для своего личного дела он напишет об этом времени скупое, протокольно: «Я — член партии с 1904 года, ни в каких других партиях не состоял, работал в самые глухие годы, о чем хорошо осведомлен т. Ленин...»³⁶ Сколько сдержанности, достоинства, спокойствия. Как эпически звучат эти сухие строки биографии! Да, все эти нелегкие годы подполья он работал под непосредственным руководством Ильича, Ленин хорошо был осведомлен о его деятельности, помнил о нем.

Один только эпизод. Вскоре после Февральской революции и приезда Ленина в Россию была направлена в Одессу группа профессиональных революционеров, хорошо знающих местные условия, талантливых пропагандистов. Некоторые из них были рекомендованы Центральному Комитету непосредственно Лениным. А. К. Воронский вошел в эту группу.

Установление Советской власти в Одессе имело свои специфические трудности. Они заключались в том, что большевики, выйдя после Февральской революции из подполья, не смогли правильно сориентироваться в создавшейся ситуации. И они вошли в одну организацию с меньшевиками. Их тактическая ошибка имела свои последствия, поскольку в городском объединенном комитете РСДРП тон задавали меньшевики, занимавшие ошибочные позиции по ряду важнейших и принципиальных вопросов: об отношении к буржуазному правительству и его местным органам, о роли Советов, о войне, о перспективах развития революции. В этой сложнейшей обстановке, предшествовавшей Октябрьской революции, в полной мере раскрылся незаурядный талант А. К. Воронского как политического организатора, убежденного ленинца, подлинного трибуна партии. Он сделал очень много доброго в те смутные, взрывоопасные предоктя-

³⁵ Письмо А. К. Воронского В. И. Ленину (Публикация И. Смирнова). Новый мир, 1964, № 12.

³⁶ Там же.

брьские дни, его имя прочно вписано в историю партийной организации Одессы. И разговор об этом должен быть особый, неторопливый, обстоятельный. Кстати, авторы книг «Красный флаг над Одессой» и «Публицист-ленинец» В. Коновалов и В. Воробченко отдали должное подвижнической деятельности товарища Валентина в Одессе. Здесь же хочется привести лишь одно свидетельство очевидца и участника тех событий. Вот что писал Н. Кристаловский в 1922 году в журнале «Коммунист»: «С появлением в Одессе крупной партийной силы, энергичного тов. Воронского А., прекрасного оратора и организатора, жизнь и работа внутри нашей фракции пошла ускоренными темпами по пути отмежевания от соглашателей и конкретизации очередных задач нашей партии»³⁷.

Он употребил все свои силы и знания, всю свою энергию и революционный энтузиазм, чтобы размежеваться с меньшевиками-оборонцами, чтобы образовать самостоятельный большевистский городской комитет. Споря с меньшевиком Суховым по поводу ленинских Апрельских тезисов, Воронский с непоколебимой твердостью и убежденностью заявил на дискуссии:

— Жизнь подтвердила, что все сказанное Лениным истинно. Он еще до приезда в Россию был осведомлен о том, что произошло в России.

И в другом случае, выступая по вопросу о войне и мире, он сказал весьма знаменательную, но такую естественную для него фразу:

— Я буду защищать точку зрения Ленина...³⁸

И он это делал мастерски, талантливо, убежденно. «Я буду защищать точку зрения Ленина...» Это стало его жизненной потребностью, сутью жизни и работы. Он был одним из первых биографов Ильича. Редактируя губернскую иваново-вознесенскую газету «Рабочий край», 5 сентября 1918 года Воронский публикует в ней статью-очерк «Владимир Ильич Ульянов (Ленин)», затем еще четыре статьи, а в 1920 году издает брошюру «В. И. Ульянов (Н. Ленин). К пятидесятилетию со дня рождения», экземпляр которой имелся в кремлевской библиотеке Владимира Ильича. После смерти вождя

³⁷ Кристаловский Н. От Февральской революции к победе Октября. Из истории Одесской большевистской организации.— «Коммунист» (Одесса), 1922, № 23, с. 26.

³⁸ Воробченко. Публицист-ленинец. Кишинев, 1986, с. 51—55.

двумя изданиями вышла его публицистическая книга «Ленин и человечество». Она, по мнению доктора филологических наук, профессора Ивановского университета П. В. Куприяновского, может быть отнесена к лучшим страницам публицистики о Ленине, вышедшей после его кончины. В ней удачно сочетаются аналитическая мысль и лиризм, с ее страниц встает образ горячо любимого вождя и человека, делается попытка постичь глубину содеянного им.

П. В. Куприяновский в своей статье «...но есть Ленин»³⁹, опубликованной в журнале «Подъем», сделал первый, но весьма успешный шаг по выявлению и систематизации материалов, относящихся к ленинской теме в творчестве Воронского. Им же была подготовлена к публикации в газете «Рабочий край» статья «Владимир Ильич Ульянов (Ленин)», которая впервые увидела свет в этой же газете 66 лет назад. Уже тогда Воронский нарисовал портрет вождя как несгибаемого «человека-кремня» и чудесного товарища. Одно сознание, что Ленин рядом — мыслит, действует, — придавало силы, множило энергию, воодушевляло на борьбу.

Материал о Ленине он собирал всю жизнь.

...После освобождения из Тамбовской тюрьмы в августе 1907 года, несмотря на уговоры матери побыть дома, отдохнуть, набраться сил, а то и вовсе подумать о себе и о ней — сколько можно мотаться по свету, годы идут, а профессии никакой — заняться серьезным делом, готовиться к поступлению в университет, Валентин заторопился в Москву. Он не принадлежал себе, его жизнь отдана партии, и она нуждается сейчас в его знаниях, опыте, умении. Он, профессиональный революционер, не может в такое время отсиживаться в Тамбове. Он, научившийся сочетать массовую работу с конспиративной, прошедший школу партийного агитатора, обстрелянный на пресненских баррикадах, будет прохлаждаться в Тамбове в то время, как многие комитеты РСДРП разгромлены реакцией, а его единомышленники посажены за решетку?

Нет, в Москву, в Москву, а там видно будет... Матери сказал, что едет устраиваться на работу, есть у него на этот счет кое-какие планы.

Но в Москве Валентин тоже не задержался. Товари-

³⁹ Куприяновский П. ...но есть Ленин. — Подъем, 1985, № 8.

щи на явке познакомили с обстановкой и попросили выехать во Владимир, где после ареста товарища Арсения (Фрунзе) и провала ряда других видных подпольщиков окружная организация РСДРП оказалась практически парализованной. Там нужен свежий и энергичный человек. Получив инструкции и адреса, Валентин не мешкая выехал. Начал со знакомства с людьми, провел собрания во Владимире, Ундоле, Гусь-Хрустальном, Коврове. С тревогой обнаружил, что в Коврове небольшая местная организация сильно качнулась в сторону меньшевиков. Здесь придется серьезно поработать. Нашлись и помощники. Особенно близко он сошелся с Павлом Степановичем Батуриным (впоследствии комиссар 25-й Чапаевской дивизии, геройски погибший во время налета белогвардейских казачьих банд на Лбищенск), Сергеем Ивановичем Гульшиным, Александром Алексеевичем Новосадовым. Активизировалась не без влияния Валентина группа интеллигентной молодежи, среди которой выделялись сестры Царевы, А. В. Федоровская, О. Кузнецова, Знаменская, В. П. Сицова.

26 октября 1907 года Валентин был арестован в Народном доме города Владимира во время проведения очередного собрания. Вместе с ним были взяты под стражу и Гульшин с Новосадовым. Но тот толчок, тот импульс, который придал приезд подпольщика во Владимирскую окружную организацию, был не напрасным. Оставшись на свободе, П. С. Батурин, другие молодые кадры продолжили работу по возрождению организации, ее восстановлению. А. К. Воронского приговорили к ссылке на два года в Вологодскую губернию, которую царское правительство превратило в тюрьму без решеток, в «подстоличную Сибирь». В ожидании приговора во Владимирской тюрьме он встречается с Михаилом Васильевичем Фрунзе, которого за покушение на полицейского урядника приговорили к смертной казни. Он был очень общителен, добродушен. Валентин поражался его умению владеть собой, в тюрьме он продолжал изучать иностранные языки. Михаил Васильевич не давал зачухнуть живым мыслям и чувствам у товарищей, вносил успокоение в раздраженную, нервно-напряженную атмосферу тюремных будней. О многом тогда было переговорено, на многое после этой встречи Валентин взглянул по-другому. Это был второй человек после Ленина, который так просто вошел в его

жизнь, укрепил его душу и веру, стал другом преданным, верным, добрым. После Октября они вместе работали в Иваново-Вознесенске, а когда в 1919 году М. В. Фрунзе назначили командующим Восточным фронтом, А. К. Воронский, продолжая редактировать газету «Рабочий край», заменил его на посту председателя губкома и девять месяцев возглавлял губернскую партийную организацию.

Да, ему в те трудные дни приходилось заниматься не только газетной и литературной работой. Он с головой окунулся в партийные дела: проводил собрания и митинги, выступал с докладами о текущем моменте, организовывал курсы общественных работников. В городе не было дров, хлопка. Остановились фабрики. Рабочие «красного Манчестера», эти «твердые, терпеливые, страдающие пролетарии» питались картофельной шелухой и суррогатом хлеба. Анархисты и эсеры шныряли по предприятиям, пытались провоцировать стачки, натравливали пролетариат на Советы и коммунистов. На фабриках и заводах проходили митинги, ораторам не давали говорить, забрасывали их провокационными вопросами и записками. Темные силы контрреволюции выползали из своих нор. Только опытные бойцы партии, только убежденные и страстные трибуны могли овладеть этой стихией. И Воронский был среди них. Он достойно нес свое нелегкое бремя, ученик Ленина, друг Фрунзе. Он прошел их школу, научился владеть собой, переняв это умение от Михаила Васильевича. Старшинство Фрунзе Воронский признал сразу, хотя они были ровесниками и в одном году вступили в партию.

Вместе с командующим 4-й армией Восточного фронта М. В. Фрунзе из Иваново-Вознесенска отбыл отряд особого назначения из рабочих. Это были лучшие кадры, лучшие коммунисты. И вот уже находясь в дороге, командующий снова обращается к своим друзьям, как бы продолжая прерванную отъездом беседу: «Поднимите самую энергичную кампанию под лозунгом: «В поход за хлопком!» Организуйте пополнение армии рабочими-текстильщиками». И они, оставшиеся, организовывали, поднимали, делали почти невозможное. С новым отрядом добровольцев (более двух тысяч) уехал тогда на фронт Д. Фурманов. И как только 4-й армии удалось «откупорить оренбургскую пробку», Фрунзе сам помчался в Ташкент, чтобы немедля отгрузить в Иваново

первые хлопковые эшелоны. Он пользовался любой возможностью, чтобы отослать голодающим ткачам один-другой хлебный состав. Он любил северный край и его людей какой-то особенной нежной любовью. Он знал, как трудно приходится в глубоком тылу его соратникам, всем иваново-вознесенцам. И пытался помочь им. А они, в свою очередь, пристально следили за успехами любимого командира, радовались каждой весточке от него...

Со встречи во Владимирской тюрьме Валентин понял, что М. В. Фрунзе «за людей своих надежд и идеалов» умеет постоять до конца. «Здесь он не знал пощады ко врагу, к изменникам и ренегатам»⁴⁰...

... А после была Вологодская пересыльная тюрьма. Уже без Фрунзе, Валентина определили отбывать ссылку в Яренске. Царское правительство ужесточало репрессии, пыталось сломить, разложить социал-демократическое движение, внедрить в него провокаторов. Недаром у Воронского-мемуариста вырвалась эта фраза: «Страшная вещь, мои юные друзья, самодержавие!» Страшное. И он испытал это на себе. В те годы дороги на север были запружены этапами, шло великое переселение. Только за первую половину 1907 года количество административно высланных возросло до 15 тысяч человек... Они голодали в пути, мерзли, их унижали, нередко были случаи самоубийств. Чтобы скомпрометировать политических, с ними вместе направляли и уголовников.

В Вологодской тюрьме царские опричники пытались из революционеров сделать своих агентов, осведомителей. Но успеха не имели. Ни один из осужденных не стал провокатором. И тогда обозленные жандармы начали им мелко мстить, преследовать, подолгу держать в пересыльной камере, всячески унижать их человеческое достоинство. В тюрьме вспыхнул бунт. Да какой! Бунт голых! Он совершенно дезорганизовал деятельность тюремщиков, а «тюрьма смеялась, хохотала, фри-вольничала, — писал А. К. Воронский в 1931 году в одной из своих новелл. — Порядок то и дело нарушался, надзиратели и солдаты прикрывали ладошками себе рты, дабы скрыть смех. Ералаш нарастал...»⁴¹

⁴⁰ Воронский А. М. Фрунзе. Красная новь, 1925, № 9.

⁴¹ Воронский А. Героические новеллы. Новый мир, 1931, № 2.

Да, было и такое в тюремных буднях. В жизни ведь все так перемешано: горе и радость, трагическое и смешное, героическое и мелочное. Может, она этим и хороша, жизнь? Как и встречами с людьми. Кем бы он был, не встретиться на его пути Степан, Гуров, Олимпиада Григорьевна, Макар и, конечно же, Ленин, Мария Ильинична, Фрунзе?

А что была бы за жизнь, если бы она не дарила пусть мимолетных, но памятных встреч с женщинами? Вот и на этот раз... В «столыпинском» поезде, который вез Валентина в первую ссылку, повстречал он свою судьбу — Серафиму Песину, телеграфистку из Мелитополя. Совсем юная, застенчивая девушка только что окончила четырехклассное училище и поступила на работу. Арестовали ее, можно сказать, случайно, во время демонстрации, а в ходе следствия установили, что случайности как раз и нет: Серафима Песина принимала самое деятельное участие в социал-демократическом кружке. За время долгого пути молодые люди познакомились ближе, присмотрелись друг к другу. Валентин охотно покровительствовал не очень привычной к тюремно-дорожному быту девушке. И делал это с таким удовольствием, что, кажется, у него заметно поколебался взгляд на семейную жизнь профессионального революционера, а тем более на длительную привязанность...

В Яренске, затерявшемся к северу от Вологды в лесной глуши, состоялась еще одна встреча. С Вадимом Подбельским! У них была общая революционная юность, и начиналась она в Тамбове с собраний в пригородном лесу, маевок за городом, яростных дискуссий в доме Олимпиады Григорьевны Лукьяненко-Алексеевой. А спорщиком Вадим был неукротимым. Валентин знал, что он — сын народовольцев, родился где-то в якутской ссылке, очень рано лишился отца. В Тамбове жил в семье отчима, учился в гимназии. Ненависть к самодержавному строю у него, наверное, была генетическая, наследственная.

Они не были раньше близки, а сейчас Вадим был рад земляку, словно брату.

— Тесен мир! — зашумел он, увидев Валентина в людской толчее на яренской почте. — Откуда, за что, на сколько? Хотя ладно, это все потом... Ох и худ ты, брат Александр, — смеялся радостно Подбельский и тревожно вглядывался в знакомое, но очень бледное, явно болезненное лицо товарища. — Здоровье как?

Терпимо? Ну и хорошо. Ничего, поправишься на яренском курорте...

На правах старожила он помог быстро и хорошо устроиться на квартиру, а пока возвращались обратно в город, обрисовал ситуацию в этом забытом богом городке на краю земли.

— Тугие времена наступили, Валентин, — вводил он его в курс дела. — Тугие, да... Сейчас нас здесь около пятисот человек; большевики, меньшевики, эсеры, бундовцы и даже, понимаешь, обзавелись одним бывшим надзирателем каторжной тюрьмы. Без него как-то скучно. Ну, собираемся иногда за городом, за рекой, песни поем, спорим с ликвидаторами и эсерами. Нет, прав, тысячу раз прав Ленин, когда пишет, что наша партия переживает не только организационный, но и идейно-политический кризис. Это факт, и нелепо было бы это утаивать. Собираемся, конечно, тайком, нелегально. Сходки Хвостов (губернатор) запретил, колония ссыльных ликвидирована. Запрещены квартиры для собраний, столовая, школа. Исправник так и зыркает, так и зыркает. Ну, а без комитета колония ссыльных превратится в стадо. Вынуждены, понимаешь, перейти на нелегальщину.

Скоро Валентин имел возможность убедиться, что идейным вожаком в колонии был Вадим, хотя в Яренске отбывали ссылку и такие опытные работники партии, как Иван Фиолетов, Петр Ровнер, Михаил Лашевич и другие товарищи. Шумливый, непоседливый, неукротимый Подбельский был заряжен, казалось, энергией на тысячу лет, он в состоянии был всколыхнуть любое болото. Поразила способность друга читать книги, точнее сказать, глотать их, как-то быстро-быстро, выборочно просматривать и при всей быстроте довольно успешно схватывать содержание. А не читал Вадим разве что во сне. И несмотря на погруженность в книги, в споры, в общественные дела, в разбор различных конфликтных ситуаций между ссыльными, он был неизменно приветлив, доброжелателен, общителен.

Валентин через друга очень быстро вошел в тот пестрый мир колонии, который сложился в Яренске к его приезду. Много, как и Вадим, читал. Он почувствовал, как соскучился по книгам, как ему необходимо знание нелегальной литературы, которая здесь имелаась. Принимал участие в различных собраниях, проведении маевки. А когда получили нелегальную книгу

Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», приступили к изучению ее и обсуждению в кружке. Одним из них руководил Подбельский.

В условиях строгой конспирации налаживалась деятельность большевистской группы РСДРП. По предложению Вадима Подбельского было решено издавать печатный (гектографированный) орган колонии, чтобы освещать насущные вопросы ссылки. Предполагали публиковать в нем отчеты комитета колонии, корреспонденции о материальном положении ссыльных, их жизни в других городах и поселениях. Гектограф был изготовлен своими руками, все необходимое приобреталось с большими сложностями, и тем не менее 1 октября 1909 года вышел номер журнала «Яренская колония политических заключенных». Валентин был первым помощником Вадима в его «издательской деятельности»: ведь у него имелся кое-какой опыт работы еще с семинарских времен.

Ссылка, как это ни странно будет звучать, много дала Валентину. Он стал лучше ориентироваться во внутрипартийных разногласиях, почувствовал большую уверенность в себе, своих силах. Многое дало изучение нелегальной литературы. А общение с товарищами по партии, их неоценимый драгоценный опыт подпольной борьбы! Через много лет А. К. Воронский напишет в своих мемуарах: «Вспоминая годы ссылки в то время, я вижу прежде всего моих соратников, совольников и друзей. Я благодарю судьбу за то, что она подарила мне их. Мои лучшие помыслы до сих пор связаны с ними. Они для меня и семья, и родина, и милое прошлое, и славное будущее»⁴².

Из Яренска Валентин поехал в Москву, отбыв ссылку день в день, от звонка до звонка. Явочных адресов не было, надеялся на случай, на то, что окольным путем выйдет на организацию большевиков. Снял комнатуху в Замоскворечье, навестил старых тамбовских знакомых, с которыми встречался в ученическом кружке, работал в губернской группе большевиков. Они отошли от партии, предали революцию. Один из них погрузился в изучение «нетленных памятников прошлого», другой занялся коммерческой деятельностью. Когда через них попытался найти ниточку, которая бы связала его с подпольем, услышал: «Никакой организации больше

⁴² Воронский А. За живой и мертвой водой, с. 209.

нет. Все разбито, все подверглось разгрому». В Москве продолжались непрерывные аресты. Попытки уйти в подполье оказались безуспешными.

И тогда Валентин, сориентировавшись в обстановке, понял, что большевики в условиях разгула реакции могут работать в легальных организациях рабочих, чтобы быть ближе к массам. Он устраивается секретарем в Московский профессиональный союз кожевников. Принимает взносы, выписывает пособия безработным и стачечникам, принимает участие в работе правления, а заодно корреспондирует в газеты о каторжной работе кожевников. Из наиболее сознательных членов профсоюза сформировал революционную группу, начал вести среди них пропагандистскую работу. Но продолжалось это, увы, недолго. Полиция разгромила ячейку, арестовала руководителей профессионального союза, на квартире Валентина устроила засаду. И он, заметая следы, оставив паспорт в лапах сыщиков, тайком уезжает в Тамбов. Но город встретил подпольщика неприязненно, настороженно, показался ему чужим и убогим. Вот что писал он: «Общий упадок был столь велик, что я с удивлением спрашивал себя, как могла произойти такая быстрая и разительная перемена? Еще недавно, тому назад лишь несколько лет, город покрывался сетью революционных кружков, групп, комитетов, объединений. Митинги, собрания, массовки, диспуты, открытые демонстрации, казалось, навсегда и бесповоротно изменили захолустный облик его... Здесь в Луженовского стреляла Мария Спиридонова, здесь работал «адмирал», братья Вольские, Ванда Гармиза. Здесь воинствовала группа большевиков: Савич, Гальперин, Варвара Яхонтова, Подбельский, Усиевич, рабочие мастерских и заводов.

Куда все это погинуло?..»⁴³

Вопрос звучит риторически. Местная группа социал-демократов была разгромлена, торжествовал обыватель. Среди интеллигенции стало чуть ли не доблестью отрекаться от революции. Встречи с бывшими приятелями и единомышленниками оказались еще более тягостными, чем в Москве. Многие опустили, расстались с «заблуждениями молодости», «поумнели»; говоря словами поэта, сожгли все, чему поклонялись, и стали поклоняться всему, что сжигали раньше.

⁴³ Воронский А. За живой и мертвой водой, с. 344.

Дышать в такой атмосфере было тяжело. Чудом заполучив новый паспорт в полицейском управлении, Валентин с тяжелой душой покидает родной город. Больше он сюда не вернется. Мать, Феодосия Гавриловна, со слезами глядела на возмужавшего Сашеньку, свою единственную радость и опору в жизни. Как ей хотелось, чтобы он остался рядом, женился, нашел работу. Но когда убедилась, что все это невозможно, дала адрес и посоветовала поехать в Саратов (все-таки рядом с Тамбовом, всегда можно наведаться) к родственникам Леонтьевым — Василию Никитичу и Александре Васильевне. Она и письмецо им передаст, чтобы позаботились о сыне. Глядишь, чем помогут, жить как-то надо. Эта мысль понравилась Валентину: а почему не в Саратов? Так сказать, «в деревню, в глушь, в Саратов». Не в Москву же возвращаться с новым паспортом и не в Тамбове прозябать...

Леонтьевы жили в собственном доме и к Валентину отнесли по-родственному, сочувственно: выделили угол, поставили стол. Живи, Александр Константинович, места не жалко, пока не устроишься на постоянную работу. Рекомендательные письма, с которыми он приехал в Саратов, дали небольшой заработок на частных уроках. Вполне достаточный, чтобы не чувствовать себя зависимым от приветливых родичей. Не помещики, чай, каждая копейка на счету. Понравился Валентину сын родичей — Николай. Они с ним сразу подружились.

Саратов мало чем отличался от Москвы и Тамбова — та же полицейская реакция, тот же разгром большевистских организаций, то же ренегатство меньшевистско-эсеровской интеллигенции. Знакомая атмосфера. Но Валентин знал, верил, что где-то в глубоком подполье затаенно теплится жизнь. Как под слоем слежавшегося зимнего снега ранней весной журчит несмелый ручеек, так и в Саратове где-то скрытно осталось большевистское ядро, питаемое ручейками рабочих и молодежных кружков. Но как к нему найти путь?

Не знал он, что на тех же улицах, по которым он ходит ежедневно, можно встретить Марию Ильиничну Ульянову (партийная кличка Боевая). Разве она могла сидеть без дела в такое время! Несомненно, встречал он не раз худого, невысокого роста молодого человека с умным и энергичным лицом — служащего городской управы Станислава Станиславовича Кржижановского

(Владимира), который наряду с Марией Ильиничной держал в руках все нити большевистского подполья. Он был как бы связующим звеном между рабочими и семьей Ульяновых.

Несмотря на строжайшую конспирацию, Валентином была все-таки найдена тропиночка к ним. Они втроем и составили центральную губернскую группу большевиков. Проявляя предельную осмотрительность, настойчиво и целеустремленно работали над воссозданием разгромленной организации. Начинали с малого: так человек после тяжелой болезни учится ходить заново, — распространяли брошюры, книги, журналы. Валентину поручили формирование новых кружков. К концу года их было уже три — два из рабочих и один из учащейся молодежи. Немного, разумеется, но в тех условиях это была большая победа. В кружках учили правилам конспирации, помогали разбираться в вопросах тактики и стратегии революционной борьбы.

За городом на Соколовой горе организовали ряд сходок, маевку, постепенно вытеснили из легальной организации «Красный крест» всех меньшевиков, организовывали концерты для народной аудитории, средства от которых поступали в кассу большевиков, на оказание помощи политическим заключенным и ссыльным. Активно использовали страницы «Приволжской газеты», которую редактировал меньшевик Д. Топуридзе, для распространения нужной информации. Валентин помог достать шрифт для печатания листовок, часто выступал перед рабочими города. В подборе единомышленников группа была предусмотрительна и осторожна. За сравнительно короткий срок саратовская большевистская организация увеличилась до 70 человек. Нет, напрасно упивалась успехами местная жандармерия, которая сообщала департаменту полиции, что в Саратове в настоящее время организации РСДРП не существует. Она не только существовала, но жила, крепла и действовала. Умело используя легальные и нелегальные формы работы, подпольный центр организовал весной 1911 года ряд крупных забастовок на механических заводах, в железнодорожных мастерских.

Валентин в своих действиях был неутомим, проявлял изобретательность, находчивость, шел на риск; он вырастал в крупного и полезного работника партии. Мария Ильинична просила его беречь себя, быть осмотрительнее, меньше рисковать. «В сдержанных ее ма-

нерах, в ее скупых улыбках и словах скрывалась забота о «своих», о том особом кадре людей, который подбирался, воспитывался Лениным, — вспоминал позже Воронский. — Это крепкое чувство к «своим» ободряло, соединяло с разбросанными повсюду и часто неизвестными друзьями»⁴⁴.

Из практики было известно, что каждый активно работающий подпольщик более трех-четырёх месяцев на воле не держится. Валентин в Саратове функционировал более полугода. Фигура его стала приметной, особенно для полиции. Он исхудал в последнее время, кашлял, плохо спал. Сказывались нервные перегрузки, недоедание. Назревал новый арест. Чтобы спасти его от провала, решили направить на юг. Там тоже требовалось восстановить большевистское подполье. Были для его поездки на юг и личные причины. В Евпатории кассиршей работала Серафима Соломоновна Песина, та самая девушка, которую он опекал по пути в Яренск. Требовалось до конца обдумать, имеет ли право революционер создать семью и предаваться семейному счастью. Валентин еще колебался, хотя его взгляды на этот вопрос заметно «полевели». Тем более, что марксизм в принципе не исключает брака...

В середине мая он был уже в Евпатории, этом земном раю, где так вольно дышится и хорошо живется.

И так легко, ко всему, писалось... Будто все, что накопилось в нем за годы, только и ждало, чтобы выплеснуться на бумагу. А перо у него, как заметил один из приятелей, было резвое. В «Евпаторийских новостях», в одесской газете «Ясная заря», которую редактировал В. В. Воровский, стали появляться хроникальные заметки, фельетоны, корреспонденции, статьи на литературные темы — о Горьком, об Аверченко, Леониде Андрееве. Они вскоре были оценены, и читатель уже ждал острые, интересные, пронизанные иронией и сарказмом материалы, подписанные мало что говорящей фамилией Нурмин. Автор писал о местной кооперативной жизни, о расценках, о бытовых условиях жизни рабочих, о деятельности потребительского общества «Трудовая копейка», которое являлось для рабочих как школой хозяйствования, так и политической школой. Высмеивал обывательщину — черносотенство, порядки в местной гимназии.

⁴⁴ Воронский А. За живой и мертвой водой, с. 372.

Литературовед В. Воробченко, автор очень хорошей, содержательной книги «Публицист-ленинец» о революционной, публицистической деятельности А. К. Воронского, отмечает, что наряду с другими видными мастерами партийной публицистики: М. Горьким, В. Воровским, М. Ольминским, В. Подбельским, — А. К. Воронский способствовал рождению традиции, «к которой восходит история советской сатирической журналистики». Не имея возможности говорить об этом исследовании более подробно, ограничусь цитатой литературоведа О. Семёновского из данной книги: «Сотрудничество Воронского в «Ясной заре» по своему значению выходит за рамки творческой биографии Воронского. Безусловно, в истории марксистской критики удельный вес этого сотрудничества не так уж значителен. Не следует, однако, забывать, что сама марксистская критика в ту пору переживала процесс своего становления, ее силы были не столь уж многочисленны, а поэтому даже скромный вклад, который внес своими ранними статьями Воронский в борьбу за передовые традиции русской литературы, должен быть учтен»⁴⁵.

Находясь в Николаеве, куда он переехал в сентябре, пытался помочь обескровленному арестами подполью, организовать и вдохнуть жизнь в кружки рабочих и социал-демократов, оборудовать тайную типографию. А сделать все это было непросто. Люди за последнее время были запуганы репрессиями, провокациями, жили обособленной, замкнутой жизнью. В налаживании связей с рабочими, принимавшими участие в волнениях 1905 года, большую помощь оказал приехавший позже Леонид Серебряков. Правда, типографию организовать не удалось, но прожитые здесь месяцы не пропали даром. В «революционной сутолоке» удалось все-таки немало сделать. И об этом Валентин доложил Ленину в письме, посланном в конце 1911 года в Париж. Он, в частности, сообщал: «Николаевская организация после около двухгодового своего перерыва возродилась с конца июля 1911 года. Во главе возрождающейся организации встала инициативная группа, которая выпустила листовки с призывом к организации и о сверхурочных работах, завязала во всех районах связь для распространения литературы, организовала

⁴⁵ Воробченко В. И. Публицист-ленинец, с. 33.

два кружка по 8—10 человек в каждом, куда входят приказчики, печатники, конторщики и проч.

...На специальном собрании инициативной группы по заслушиванию доклада агента ЗОК единогласно постановили принять участие в конференции, куда и выбран был единогласно делегат...

Организация охватывает во всех районах человек 50—60. Настроение масс благодаря промышленному оживлению (постройка в Николаеве Черноморского флота) неуклонно поднимается. Однодневная забастовка в день годовщины Толстого, срыв сверхурочных работ, забастовка за грубое обращение мастеров Николаевского судостроительного завода и т. д.»⁴⁶.

Подобная информация стекалась со всей России к Ленину, в Заграничный организационный комитет (ЗОК) по подготовке общепартийной конференции РСДРП. Сообщения свидетельствовали о том, что в стране после трехгодичной полосы реакции неуклонно нарастал новый революционный взрыв. Ленин предвидел этот подъем, анализируя уроки первой русской революции, основные задачи которой так и остались нерешенными. И вот сейчас, в такой ответственный момент, из-за оппортунистической позиции меньшевиков и ликвидаторов партия оказалась расколотой, дезорганизована деятельность ее Центрального Комитета. Нужно возродить партию, размежеваться с меньшевиками, ликвидаторами, отзовистами. И это должна была сделать Пражская конференция. Владимир Ильич очень беспокоился за ее успех, тщательно обдумывал и взвешивал все детали ее организации. Очень многое от нее зависело, и главное — консолидация здоровых сил партии.

Вот почему его не могла не радовать информация, подобная той, которую направил в Париж Валентин. О том, что Ильич получил ее, говорит его статья, опубликованная накануне конференции. Он писал, что «работа по восстановлению нелегальных организаций на местах систематически и целю охватила (за какие-нибудь три месяца, с июля по октябрь) обе столицы, Поволжье, Урал, Кавказ, Киев, Екатеринослав, Ростов, Николаев». Владимир Ильич подчеркивал, что впереди предстоит огромная и трудная работа. «Но главное, — писал он, — сделано. Знамя поднято; рабочие кружки

⁴⁶ Воробченко В. И. Публицист-ленинец, с. 147—148.

по всей России потянулись к нему, и не свалить его теперь никакой контрреволюционной атакой!»⁴⁷.

Ленин, мудрый стратег и вождь, не только обогащал, генерировал крупницы опыта, из которого складывалась в то время партийная работа в России, но и намечал перспективу, ставил новые задачи.

...А в Николаеве филеры преследовали Валентина все откровеннее. Это был плохой признак, обычно за ним следовал арест. Один из сыщиков, по кличке Часовой, доносил 17 декабря начальству: «В настоящее время организуется кружок социал-демократической партии из следующих лиц: Александра Бронштейна, Александра Воронского, Мирона Розенберга, Федора Митрохина, Павла Мазанова, «Фени» — Вайнберг, «Семы», «Мотьки», Андрея Тенинского, служащего в кооперативном обществе «Трудовая копейка»⁴⁸.

Начальник Николаевского охранного отделения сообщал в секретной депеше своему саратовскому коллеге, что в Николаеве с сентября 1911 года проживает потомственный почетный гражданин, журналист и социал-демократ Александр Воронский — «в политическом отношении лицо крайне неблагонадежное»⁴⁹.

Классические три месяца на одном месте истекли. Чутье подсказывало — пора уходить.

В это время из Саратова было получено известие: его избрали делегатом на зарубежную конференцию большевиков. Как после стало известно, Мария Ильинична сообщила В. И. Ленину, кто будет представлять саратовскую партийную группу на конференции, и тот одобрил их выбор. Наверное, ему запомнился невысокий, худенький агитатор из Василеостровского района, упрекнувший его на одном собрании в Петербурге в небольшевизме. Тогда Ленин расхохотался. Не исключено, что на этот раз он улыбнулся, заметив: растут кадры!

А готовящуюся конференцию старались сорвать не только меньшевики и ликвидаторы, возглавляемые воинствующим Троцким. В октябре 1911 года департамент полиции направил секретное предписание всем жандармским управлениям железных дорог. В нем он, в

⁴⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 7.

⁴⁸ По фотокопиям документов государственного архива Николаевской области, хранящимся в личном архиве Г. А. Воронской.

⁴⁹ Там же.

частности, предлагал подвергнуть аресту «всех известных вам делегатов в целях недопущения перехода таковыми границы и устройства конференции». Не вышло!

Несмотря на полицейские заслоны и инструкции, большинство делегатов добрались благополучно до места назначения. Валентин специально не брился в дороге, чтобы легче было провести жандармов, и явился в Прагу первым таким земским учителем в пенсне. Да, саратовские большевики, высоко ценя верность и преданность его делу партии, избрали Валентина на историческую конференцию. Как вспоминал после рабочий Обуховского завода Е. П. Онуфриев, представлявший на конференции петербургских большевиков, на протяжении всего трудного пути до Праги они чувствовали трогательную заботу В. И. Ленина, делегатов везде встречали свои люди и оказывали необходимую помощь⁵⁰. Переправой через границу посланцев России занимались такие опытные, видные деятели партии, какими уже тогда были Ф. Э. Дзержинский, О. А. Пятницкий.

Конференция работала в Праге с 5 по 17 января 1912 года в небольшой комнате Народного дома по Гибернской улице. В ней принимало участие 14 делегатов с решающими и 4 с совещательными голосами, представлявшие важнейшие центры рабочего движения в России и руководящие органы партии.

Перед открытием ее Владимир Ильич в беседе очень внимательно выслушал сообщение Валентина о положении дел на юге страны и в Поволжье, интересовался деталями подпольной работы, спрашивал о Марии Ильиничне, а в заключение беседы, отвечая на вопросы Валентина, решительно заявил, что долг каждого истинного революционера состоит в том, чтобы все, что есть живого и здорового в российской социал-демократии, поднять на решающую битву за партию и во что бы то ни стало победить. И битва эта должна успешно завершиться в Праге.

Валентин, наряду с другими товарищами, вел протоколы заседаний конференции, которых было двадцать три. Обсуждались многие вопросы, и прежде всего определявшие тактику партии на ближайшие годы. В том числе шла речь о партийном строительстве, о формах и методах работы партии в новых условиях, развитии пе-

⁵⁰ Онуфриев Е. Встречи с Лениным. М., 1959, с. 15.

чати и пропаганды. Обсуждение организационных форм партийной работы развернулось без основного доклада и проекта резолюции. Началось оно с выступления А. К. Воронского, который поделился с товарищами своими наблюдениями, высказал ряд предложений. Владимир Ильич, подводя итоги разговора о партийной работе в новых условиях, говорил о необходимости организации нелегальных ячеек, окруженных сетью легальных кружков, которые дадут новую базу. В принятой резолюции шла речь о важности гибкого сочетания легальных и нелегальных форм работы, использовании разнообразных средств воздействия на массы, инициативы в постановке социал-демократической работы в легальных обществах.

Большое внимание было уделено на конференции развитию легальной печати, изданию ежедневной массовой рабочей газеты. Кстати сказать, особо рьяно за это ратовал А. К. Воронский. Он ссылаясь на опыт одесской газеты «Ясная заря», где ему пришлось активно сотрудничать совсем недавно. Многие делегаты считали подобное предложение утопическим, но все-таки в конце концов решили попробовать. Так появилась газета «Правда», сыгравшая неоценимую роль в руководстве революционным движением в стране. Позднее Владимир Ильич отмечал, что «Правду» удалось поставить «благодаря именно той (январской) конференции»⁵¹.

Конференция обсудила разработанную Лениным политическую линию и тактику партии в условиях нового революционного подъема в России, восстановила после затяжного кризиса Центральный Комитет РСДРП, решительно размежевалась с оппортунистами. Ленин был доволен ее итогами.

В письме к А. М. Горькому в феврале 1912 года он сообщал: «В скором времени пришло Вам решения конференции. Наконец удалось — вопреки ликвидаторской сволочи — возродить партию и ее Центральный Комитет. Надеюсь, Вы порадуетесь этому вместе с нами»⁵².

Для Валентина эти двенадцать пражских дней стали поистине великолепным и незаменимым политическим университетом. На третий день после завершения конференции он уезжает в Россию представителем Цент-

⁵¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 48, с. 81.

⁵² Там же, с. 44.

рального Комитета партии с заданием объехать с докладами города Николаев, Одессу, Саратов и остаться для подпольной работы в Петербурге. О том, какие чувства обуревали его тогда, он сам напишет в книге мемуаров: «Мы брали на себя смелость объявить, что мы — единственный верный оплот грядущей революции. Со всех сторон окруженные врагами, мы первыми переходили от обороны к наступлению в обстановке продолжающейся подавленности, измены, трусости, расколов, шатаний, непонимания, преследования. На другой, после конференции, день нас должны были начать травить, издеваться над нами, клеймить захватчиками, арестовывать, ссылать. Мы шли покорять мир, двадцать* делегатов, имея лишь мужественность, уверенность в Ленине»⁵³.

Предстояло донести до рабочих масс, до всех социал-демократических кружков те решения, которые приняла конференция. Все понимали, как это трудно будет сделать. О созыве Пражской конференции знали пять крупнейших провокаторов, введенных жандармерией в большевистские организации. Малиновскому и Романову удалось даже пробраться на саму конференцию. Валентин перед отъездом на родину рассказал Малиновскому о предполагаемых маршрутах своего следования, чем, без сомнения, еще более осложнил поставленную задачу.

Как только ленинские посланцы (или, как их окрестили меньшевики, «ленинские молодцы») пересекли границу, они тотчас были взяты под неотступное наблюдение полиции. Начался настоящий поединок с царской охранкой. Кто кого? Будут ли эти три-четыре месяца свободы, которые так необходимы активному подпольщику? Валентин первым делом решил поехать в Мелитополь (об этом он никому не сказал), где жила его жена Серафима Песина. Свидание и на этот раз было коротким. Пообещав, что в недалеком будущем их ожидает «добродетельный образ жизни и тихое семейное счастье», он, не мешкая, отбыл в Одессу, к В. В. Воровскому. Подробно проинформировал Вацлава Вацлавовича о принятых в Праге решениях. Воровский со всеми пунктами согласился. А вот выступить перед большеви-

* Так в книге, хотя фактически делегатов конференции было 18.

⁵³ Воронский А. За живой и мертвой водой, с. 416.

ками-рабочими Валентин так и не смог: ликвидаторы захватили в свои руки все явки и связи и всячески препятствовали общению. Не помог и Воровский. Борьба шла на два фронта. Дело в том, что перед его приездом в Одессе уже успел побывать представитель троцкистской «Правды» А. Иоффе. Воспользовавшись неосведомленностью слушателей о перипетиях внутрипартийной борьбы, он «одержал необходимую ему резолюцию». «Тем не менее, — писал потом Воронский в газете «Социал-демократ», — одесские товарищи поставили непременным условием участие в конференции, которую созывали ликвидаторы, всех организаций, принимавших участие в конференции, которая состоялась (т. е. Пражская. — И. О.)»⁵⁴. А в письме В. И. Ленину он дополнительно сообщил, что на этом собрании присутствовал «наш общий знакомый, он сумел только смягчить резолюцию в смысле необходимости участия ленинцев. Поэтому ему удалось уговорить не давать мандата гастролеру в организационный комитет»⁵⁵.

Как считает В. Воробченко, этим общим знакомым Ленина и Воронского является В. В. Воровский.

В Николаеве была другая обстановка. Делегат Пражской конференции выступил здесь на трех собраниях партийных организаций Заводского и Городского районов. Как сообщал Валентин в письме Ленину, николаевцы «единогласно признали решения конференции правильными». Написал об этом и в «Рабочую газету», как просил Ильич в Праге — укреплять связи с Центральным органом и «Рабочей газетой». «На всех собраниях, — сообщал Валентин, — участвовало человек 15—17 из наиболее активных. По полицейским условиям, в данный момент совершенно исключительным, большего количества товарищей собрать нельзя. В результате после докладов и более или менее подробного обсуждения работ конференции был поставлен вопрос о том, считают ли товарищи правильным, что конференция конституировалась как верховный орган партии, несмотря на отсутствие националов. Единогласно вопрос был решен в положительном смысле. В целом товарищи ценили то обстоятельство, что конференция сумеет объединить русскую работу»⁵⁶.

⁵⁴ Воробченко В. И. Публицист-ленинец, с. 37.

⁵⁵ Там же, с. 150.

⁵⁶ Там же, с. 36.

Не дремало в это время и жандармское око. Между департаментом полиции и его местными службами с повышенной скоростью пошли срочные телеграммы и секретные депеши: «По полученным в департаменте полиции сведениям с 6 по 17 января сего года в Праге (Австрия) состоялась конференция членов Российской социал-демократической рабочей партии большевистского направления. В числе участников конференции был делегат от Саратова — интеллигент большевик «Валентин» ...«Эсдек Воронский кличка «Уборный» наблюдается»... «Выявить наблюдение связей «Валентина» препятствий нет, если последний не будет упущен. При возможности утери подлежит аресту»... «Сегодня поездом номер 4 выехал из Харькова в Саратов... серьезный социал-демократ, один из организаторов предполагаемой южной областной конференции Александр Константинович Воронский, кличка партийная «Валентин», по наблюдению «Уборный».

Следующие приметы: лет 26, небольшого роста, блондин, усы подстрижены, бороды нет, светлое пенсне черной оправы, черное пальто, черный пиджачный костюм, мягкая темно-зеленая шляпа. Имеет небольшой ручной чемодан темно-желтой кожи, красное черными полосками одеяло и небольшую подушку белой наволочки»⁵⁷.

Генерал-майор Рыковский, собственноручно написавший и пославший эту депешу, оставил нам такую трогательную подробность кочевого быта Валентина — «красное черными полосками одеяло и небольшую подушку».

Какая выразительная деталь! Она рассказывает о жизни подпольщика больше, чем многостраничные описания тягот его кочевой, неустроенной, многотрудной жизни. Представьте только — всегда (годы!) носить с собой постель, ибо совершенно неизвестно, где придется приткнуться на ночь и можно ли там будет рассчитывать на подушку и одеяло. Он так свыкся с этим обстоятельством, что даже взял их с собой в Прагу. И только насмешки дорожных попутчиков вынудили его тайком перед Львовом выбросить их с площадки вагона, о чем впоследствии не раз жалел.

Потом, когда пришло время обходиться без партийной клички и Валентин стал Александром Константиновичем Воронским, старым большевиком, видным деятелем пар-

⁵⁷ По фотокопиям документов государственного архива Саратовской области, хранящимся в личном архиве Г. А. Воронской.

В архангельской ссылке в городе Кемь (1912—1915 гг.).
Сидят (слева направо) М. Гортинский, А. К. Воронский,
Х. Л. Сердюковская, И. Н. Стуков; стоят (слева направо)
Давинович, Ф. А. Кривошеев, Г. И. Кашевский

тии и государства, одним из главных организаторов литературной жизни 20-х годов, референтом Ленина, блестящим литературным критиком и талантливым прозаиком, он очень сожалел, что никто из писателей не берется осветить жизнь старого большевистского подполья (исключение «Мать» М. Горького). Этот мотив у него кочует в ряде статей — «художественно большевистское подполье до сих пор остается совершенно нетронутым», «никакого, хоть сколько-нибудь монументального отра-

жения в искусстве нашего своеобразного большевистского подполья нет». Он очень хотел, чтобы наша молодежь впитала в себя лучшие традиции революционного подполья. Не дождавшись охотников на эту тему, сам написал великолепную книгу мемуаров «За живой и мертвой водой», которую современники сравнивали с книгой «Былое и думы» А. И. Герцена.

Приезд Валентина в Саратов был разработан агентурой в мельчайших подробностях. Филеры буквально не спускали с него глаз. Ибо для наблюдения он был объект очень сложный, очень неблагодарный. Не отсюда ли и полицейская кличка наблюдения «Уборный»? Быстро и незаметно «убирался» Валентин, когда ему было это нужно. Вот и прибыв в Саратов, заметив слежку, он довольно несложным маневром обманул сыщиков, использовав проходной двор. Они потеряли его. Это зафиксировано в жандармском донесении: «В последующем розыске я принял во внимание: во-первых, трудности наблюдения за Воронским, по его конспиративности, благодаря чему он немедленно по приезде в Саратов был утерян наблюдением, по имеющимся агентурным сведениям, вскоре снова взят в наблюдение...»

Он не мог оставить Саратов, не выполнив до конца свой долг. И хотя ему удалось на время скрыться с глаз филеров, это мало что решало. Полиции были известны многие конспиративные квартиры саратовских большевиков, в их группу был внедрен платный осведомитель по кличке Сергеев. И он знал о приезде делегата Пражской конференции. Валентин снова оказался под наблюдением. Неделя метаний по Саратову — драматический период жизни подпольщика. Он чувствовал, понимал, видел, что петля вокруг него неотвратно затягивается, и ничего не мог поделать.

В таком положении побывал на квартире Ульяновых, доложил Марии Ильиничне о конференции, принятых резолюциях, передал ей сердечный привет от Владимира Ильича. Встретился, и не один раз, с С. С. Кржижановским. И его проинформировал о партийных делах, рассказал, что за ним неотступно следует «хвост» и не лучше ли ему теперь незаметно уехать, так сказать, раствориться в российских просторах.

Станислав Станиславович, спокойный и невозмутимый человек, отвечал, что бывает и хуже, филеры на то и созданы, чтобы следить за революционерами, и Валентину, прежде чем уезжать, следует выступить на маев-

А. К. Воронский в 1929
году

ке, которая готовится за городом, на Увеке. Валентину ничего другого не оставалось, как согласиться с мнением друга. Может, и в самом деле пронесет на этот раз, может, он просто устал, изнервничался за последнее время... А сыщики не отставали: они фиксировали каждый его шаг — куда пошел, с кем встретился, как долго говорил, куда затем удалился. Они бдили у его квартиры в ночные часы.

Перед маевкой решили собрать кружок, который создал еще Валентин в его первый приезд в Саратов. Собрались на конспиративной квартире, где присутствовал и осведомитель Сергеев (А. М. Казанцев, бывший наборщик одной из воронежских типографий, участвовавший в революционном движении, отсидевший срок и переметнувшийся к царской охранке, за что исправно получал ежемесячно свои 25 сребреников).

Впрочем, его присутствие на собрании мало что решало. Участь Валентина и его товарищей была предре-

шена. Благодаря Сергееву мы имеем теперь подробный отчет о выступлении подпольщика.

Прежде всего Валентин спросил, знают ли товарищи о состоявшейся в январе социал-демократической конференции и что именно. Услышав, что они что-то читали в легальной печати, познакомил с новым течением в партии — так называемым ликвидаторством. Ликвидаторы отрицательно относятся к нелегальным организациям, предлагают вести работу лишь на почве чисто экономической, отрицая политические выступления рабочих. По их мнению, сказал далее Валентин, революция (буржуазная) окончилась и только развитием профессионального движения надо идти к социализму, противодействуя революционным вспышкам.

— Наша же точка зрения, — и голос Валентина звучал тверже, увереннее, — что революция только началась и что мы должны ее развивать и содействовать ей. Эти серьезные разногласия, эта разруха в партии и послужила поводом для созыва конференции в Праге. Нам бросают упрек в том, что выборы произведены неправильно, что не были приглашены к участию в ней многие социал-демократические группы и националы. Я же говорю, что имеются письма от некоторых городов, что делегаты были посланы, но арестованы на границе. Из Ростова-на-Дону, например, получено только приветственное письмо, так как не нашлось человека, который согласился бы поехать. Не было на конференции представителей от групп, явно склонных к ликвидаторству.

...Нужно принять во внимание, что при полицейских условиях и после провалов нечего и говорить о правильности выборов и нечего было ожидать большего. Строительство и возрождение к жизни партии должно быть делом ее работников, старых и заслуженных, стремящихся поставить ее на высоту, а не ликвидировать.

Отвечая на статью Мартова в Центральном органе, в которой тот упрекал Ленина в раздорах и интриганстве, Валентин решительно и резко заявил, мотивируя фактами, что к Ленину эта характеристика неприменима ни в каком случае.

— Я лично знаком с Лениным и могу вас в этом уверить, товарищи...⁵⁸

⁵⁸ Государственный архив Тамбовской области, ф. 272, оп. 47, д. 19-а, л. 130.

На вечере в Центральном Доме литераторов в Москве, посвященном 100-летию со дня рождения А. К. Воронского (24 декабря 1984 г.). В президиуме (слева направо) литературовед А. Г. Дементьев, доктор филологических наук Н. А. Трифонов, дочь А. К. Воронского Г. А. Воронская, поэт М. М. Скуратов.

Ему хотелось рассказать им, собравшимся товарищам, какой это необыкновенный человек, как много он делает для партии и что только помогая ему, работая под его началом, можно добиться поставленной цели. Но время было позднее, нужно было еще обговорить ряд практических вопросов, принять резолюцию, дать ряд указаний, и потому рассказ о Владимире Ильиче он решил продолжить на предстоящей маевке.

Она не состоялась. Вечером следующего дня Валентин, Мария Ильинична, С. С. Кржижановский и еще несколько человек были арестованы.

Жандармский полковник с притворным сочувствием сказал Валентину как старому знакомому:

— И как только ноги вас, батенька, носили. Представляю, насколько вы устали и утомились. По крайней мере, наши агенты совсем сбились с ног. Завидую вашей подвижности.

Да, поколесил он немало за эти годы. И поколесил, надо полагать, не напрасно, не впустую. «Старый, надежный партиец...» В письме из далекой архангельской Кеми, куда его сослали на этот раз, он писал своему другу Вадиму Подбельскому в Тамбов: «Верно ты сказал, много воды утекло. Черт знает где не носило мой утлый челн. Сам даже удивляюсь. Сколько пришлось пережить ужасно трудных дней измены, голоданий и

т. д. Часто вспоминаю о тамбовцах. Ты напиши мне об общих знакомых подробнее...»⁵⁹.

А матери, надеявшейся на амнистию своего Сашеньки в связи с предстоящим 300-летием дома Романовых, он писал оттуда же, из Кеми: «Милая мама! Относительно амнистии пока ничего достоверного неизвестно у нас»⁶⁰.

Он отлично понимал, что на царскую милость ему рассчитывать не приходится. И не ошибся.

Верный боец революции, он предан был ей безгранично. Его отличали последовательность и непреклонность в делах, чему он всю жизнь учился у Ленина.

Много лет спустя, когда страну захлестнула волна беззакония, когда торжествовала сталинщина, он не мог оставаться безучастным к происходящим событиям, к судьбам своих товарищей. Это было не в его характере. Секретные архивы известных ведомств пока еще хранят тайну его последнего поединка с заплочных дел мастерами лубянских подвалов. Доподлинно лишь известно, что взяли его 1 февраля 1937 года. Инкриминировали антисоветскую деятельность, принадлежность к нелегальной троцкистской организации. Измученный допросами и побоями, писатель Н. Зарудин показал на Воронского, что тот «вел разговоры, имеющие целью воспитать и развить ненависть и враждебность к руководителям ВКП(б)... готовил теракт над Ежовым»⁶¹. Что здесь правда, а что спасительная ложь — покажут когда-нибудь архивы. 13 августа ему объявили приговор: расстрел. Обычно приговор приводился в исполнение в день его оглашения или на следующие сутки. До последних дней дату смерти А. К. Воронского официальные источники указывали 13 октября 1943 года. Палачи великодушно «продлили» жизнь Валентина на шесть лет. В памяти же земляков он будет жить вечно. Как останется навсегда и в истории партии, которой он отдал свою жизнь, свой ум, свою энергию.

⁵⁹ Партийный архив Тамбовского обкома КПСС, ф. 382, оп. 1, ед. хр. № 22.

⁶⁰ Личный архив Г. А. Воронской.

⁶¹ «Огонек», 1989, № 39. — Виталий Шенталинский. «Последние дни Бабеля». В статье дана ссылка на показания писателя Н. Зарудина.